This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4341.1.910

Harvard College Library

BOUGHT FROM THE
ANDREW PRESTON PEABODY
FUND

BEQUEATHED BY
CAROLINE EUSTIS PEABODY
OF CAMBRIDGE

Памяти

Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

Е. В. Пѣтухова.

1. Гоголь и Жуковскій.
2. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815—1817).
3. Приложенія.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттиссена.
1903.

Slav 4341.1.910
V

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 5 1942

Peabody Fund

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

E

Отъ автора.

Оба предлагаемые здѣсь очерка пріурочены къ минувшей въ текущемъ году 50-лѣтней годовщинѣ смерти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Первый очеркъ, посвященный разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній обоихъ названныхъ писателей, былъ прочтенъ, въ видѣ рѣчи, на актѣ въ память Гоголя въ Юрьевскомъ университетѣ 21 февраля 1902 года; второй же, разсматривающій вопросъ о пребываніи Жуковскаго въ Дерптѣ (нынѣшнемъ Юрьевѣ), былъ читанъ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ 7 апрѣля 1902 года. Оба очерка являются въ печати въ значительно пополненномъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ были прочитаны, видѣ. Кромѣ того, второй очеркъ былъ уже ранѣе напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ т. II (1897), кн. 2, и въ настоящемъ изданіи является въ переработанномъ видѣ и съ особыми приложеніями, извлеченными изъ рукописей библіотеки Юрьевскаго университета и архива Юрьевской гимназіи.

Е. П.

1902.

Гоголь и Жуковскій.

Въ кругу друзей Гоголя особое, въ своемъ родѣ даже единственное, мѣсто принадлежитъ Жуковскому. Эти дружескія отношенія между двумя далеко не равными по возрасту писателями, въ характерахъ которыхъ рядомъ съ нѣкоторымъ сходствомъ было еще болѣе различія, продолжались свыше двадцати лѣтъ и обнимали всю литературную жизнь великаго юмориста; личныя и письменныя сношенія ихъ прерывались лишь въ силу постороннихъ обстоятельствъ и на непродолжительное время. Жуковскій явился въ жизни Гоголя одною изъ самыхъ устойчивыхъ опоръ его нравственнаго существованія и, чуждый эгоизма, доброжелательный, отзывчивый и чуткій, сыгралъ въ жизни Гоголя поистинѣ выдающуюся роль. Вотъ почему прослѣдить шагъ за шагомъ различные моменты этой роли и дать имъ соотвѣтствующее объясненіе составляетъ задачу, любопытную въ психологическомъ и историко-литературномъ отношеніи и далеко не безъинтересную для біографіи автора „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“.

I.

Первое знакомство Гоголя съ Жуковскимъ. — Отношеніе Гоголя къ Пушкину и Жуковскому. — Содѣйствіе Жуковскаго Гоголю въ полученіи профессуры. — Отъѣздъ Гоголя въ 1836 году заграницу.

Имя Жуковскаго, какъ писателя, сдѣлалось знакомо Гоголю еще на ученической скамьѣ (1821—1828), вмѣстѣ съ именемъ Пушкина. Въ концѣ 1828 года Гоголь явился въ Петербургъ искать счастія въ служебной карьерѣ, быть можетъ совсѣмъ не предвидя, что судьба готовила ему въ будущемъ исключительно писательское поприще. Впрочемъ, стремленіе къ сочинительству нашло себѣ выраженіе у Гоголя еще въ Нѣжинской Гимназіи и печатно обнаружилось въ неудачномъ „Гансѣ Кюхельгартенѣ", сожженномъ самимъ авторомъ почти непосредственно по выходѣ его въ свѣтъ, въ 1829 году. Эта неудача однако не остановила его писательскихъ попытокъ, обративши ихъ отъ стиховъ къ прозѣ и отъ предметовъ искусственно придуманныхъ и чуждыхъ къ знакомой ему по непосредственнымъ впечатлѣніямъ малороссійской жизни. При всемъ своемъ раннемъ житейскомъ практицизмѣ, находясь подъ вліяніемъ оставшейся на родинѣ семейной среды и пользуясь помощью нѣкоторыхъ родственныхъ связей въ столицѣ, даровитый юноша хотя и прилагалъ видимыя старанія къ устройству себя на „службѣ", но литературные интересы, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, тянули его въ другую сферу: вотъ на этомъ-то распутьи, въ этотъ критическій моментъ своей жизни, Гоголю и посчастливилось встрѣтить Жуковскаго.

Есть предположеніе, что съ Жуковскимъ Гоголь познакомился черезъ Дельвига, въ изданіяхъ котораго „Сѣверные Цвѣты" и „Литературная Газета" Гоголь помѣстилъ свои первыя произведенія [1]); во всякомъ случаѣ это знакомство произошло не ранѣе конца 1830 года, при обстоятельствахъ

1) Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя, I. 297.

въ точности намъ неизвѣстныхъ; если принять сообщеніе, которое нѣтъ возможности провѣрить, одного изъ первыхъ біографовъ Гоголя [1]), то онъ „досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбой позаботиться о немъ“; очевидно, мотивомъ для знакомства было пока желаніе получить покровительство по службѣ, и именно педагогической, такъ какъ Плетневъ вскорѣ же, въ началѣ февраля 1831 года, устроилъ Гоголя преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, гдѣ онъ самъ былъ инспекторомъ классовъ. Но талантливый юноша, имѣвшій за собой уже нѣкоторые литературные опыты, не ускользнулъ отъ вниманія Жуковскаго также и съ этой стороны.

Въ эту пору Жуковскій былъ въ апогеѣ своей литературной славы и жизненныхъ успѣховъ, любимый и уважаемый въ высшихъ кругахъ столицы и близкій человѣкъ при дворѣ, какъ наставникъ будущаго наслѣдника престола. Онъ былъ одной изъ самыхъ видныхъ фигуръ въ тѣсной семьѣ тогдашнихъ русскихъ писателей и, по присущему ему душевному настроенію, весьма охотно оказывалъ покровительство всякому признаку литературнаго таланта. Гоголь былъ имъ сразу введенъ въ тотъ литературный кружокъ, который собирался у Жуковскаго въ его квартирѣ, въ такъ наз. „Шепелевскомъ дворцѣ“ (теперешнемъ Эрмитажѣ). Тутъ собирались кн. П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ, Пушкинъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Хомяковъ; кружокъ этотъ имѣлъ тѣсныя сношенія съ фрейлиной А. О. Россетъ, впослѣдствіи близкимъ другомъ Гоголя, и видѣлъ въ своей средѣ немало высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ великаго князя Михаила Павловича. Въ кружкѣ царили недавнія преданія „Арзамаса“, господствовало оживленіе и веселье, и особое вниманіе привлекали къ себѣ интересы

1) (Кулишъ, П. А.) Записки о жизни Гоголя, I. 84.

литературы и искусства; животворящимъ центромъ этого кружка былъ Пушкинъ, геніальное остроуміе и поэтическое настроеніе котораго находили здѣсь себѣ свободное и блестящее примѣненіе. Если принять въ соображеніе, что до вступленія въ кружокъ этотъ Гоголь былъ лишь неизвѣстнымъ искателемъ скромнаго положенія на канцелярской службѣ и начинающимъ, совершенно неизвѣстнымъ литераторомъ, то можно сказать, что сдѣланный имъ, при помощи Жуковскаго, шагъ былъ дѣйствительно „гигантскимъ", сразу поставившимъ его въ условія, необычайно выгодныя для его будущей литературной дѣятельности; конечно, положеніе Гоголя въ этомъ кружкѣ на первое время не было совершенно равноправно съ другими его, отчасти уже названными, членами, что и было вполнѣ естественно, но оно уравновѣшивалось и наилучшимъ образомъ опредѣлялось тѣмъ поистинѣ братскимъ отношеніемъ, которое установили на него, безъ дальнихъ колебаній, тогдашніе корифеи литературы во главѣ съ Жуковскимъ; здѣсь Гоголь впервые повѣрилъ въ свои писательскія силы, для которыхъ нашелъ просвѣщенныхъ и авторитетныхъ цѣнителей; здѣсь же въ первый разъ проявилъ онъ и свой оригинальный талантъ чтеца собственныхъ литературныхъ произведеній [1]). Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, Гоголь, въ одномъ письмѣ къ Жуковскому (отъ 22 декабря 1847 года), такъ вспоминалъ объ этомъ моментѣ своей жизни: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полъ-дороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ! . . . Что насъ свело неравныхъ годами?

1) Шенрокъ, I. 298—299; III. 65.

Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства“ [1]).

Продолженіемъ этихъ быстро сложившихся отношеній явилось пребываніе Гоголя лѣтомъ 1831 года въ Павловскѣ, въ качествѣ наставника при малолѣтнемъ князѣ В. А. Васильчиковѣ. Сообщеніе отсюда со столицей, по случаю холеры, было весьма затруднительно; Жуковскій и Пушкинъ жили по сосѣдству въ Царскомъ Селѣ, и Гоголь имѣлъ возможность ближе сойтись съ обоими поэтами, такъ что даже письма и посылки къ себѣ просилъ адресовать на имя Пушкина. Вернувшись осенью въ Петербургъ, Гоголь такъ писалъ своему другу и школьному товарищу А. С. Данилевскому (2 ноября 1831 года): „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. . . Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, еслибъ ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей“ [2]). При всей наивности этого горделиваго сопоставленія Гоголемъ своего имени съ именами Пушкина и Жуковскаго, мы не имѣемъ основанія отвергать фактическую достовѣрность приведеннаго тутъ сообщенія. Что же касается вообще сравнительныхъ отношеній Гоголя къ Пушкину и Жуковскому, то можно думать, что уже въ эту пору Гоголь довольно отчетливо опредѣлилъ ихъ, присоединяясь отчасти къ общему мнѣнію того литературнаго кружка, членомъ котораго онъ недавно явился: Пушкинъ былъ для него предметомъ безусловнаго поклоненія и удивленія, неисчерпаемымъ источникомъ поэтической силы и вдохновенія, человѣкомъ несравненнаго ума и геніальности, тогда какъ Жуковскій представлялся ему въ чертахъ болѣе реальныхъ и близкихъ, просто какъ первоклассный писа-

---

1) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока (Спб. 1901), IV. 135.

2) Письма Н. В. Гоголя, I. 196.

тель и превосходный, добрый человѣкъ; во всякомъ случаѣ, и Пушкинъ и Жуковскій были уже при началѣ знакомства съ ними Гоголя близкими ему людьми, но близость къ первому изъ нихъ была главнымъ образомъ въ сферѣ поэтическихъ интересовъ, а ко второму — въ сферѣ интересовъ общественныхъ и житейскихъ.

Приходится очень пожалѣть, что мы имѣемъ слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Гоголя къ Жуковскому, а равно и Пушкину, въ послѣдующія пять лѣтъ, до отъѣзда Гоголя въ 1836 году заграницу, такъ какъ эти годы были чрезвычайно важной порой въ развитіи творческихъ стремленій будущаго великаго писателя. Однако извѣстно, что Гоголь успѣлъ за это время пріобрѣсти уже литературное имя и сдѣлаться авторомъ „Вечеровъ", „Миргорода" и „Ревизора", пользовался радушнымъ пріемомъ въ литературномъ кружкѣ Жуковскаго и посѣщалъ въ 1833—34 годахъ его извѣстные субботніе вечера, большею частію съ прежнимъ составомъ участниковъ; тутъ Гоголь, какъ писатель, занималъ уже болѣе самостоятельное мѣсто. Жуковскій по прежнему являлся ему въ роли покровителя. Помощь Жуковскаго Гоголю сказывалась не въ однихъ только литературныхъ, но и въ иныхъ отношеніяхъ: между прочимъ, онъ охотно поддерживалъ притязанія Гоголя на профессуру въ Кіевѣ и затѣмъ, когда это дѣло не получило успѣха, помогалъ Гоголю получить въ 1834 году каѳедру всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и даже лично присутствовалъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, на двухъ лекціяхъ молодого адъюнктъ-профессора. Эта затѣя Гоголя, не имѣвшая подъ собою внутреннихъ основаній ни въ предшествующей научной подготовкѣ Гоголя, ни въ самомъ характерѣ его склонностей, окончилась, какъ извѣстно, весьма быстро и неудачно. Нельзя не согласиться съ авторитетнымъ указаніемъ біографа Гоголя, что Жуковскій поступилъ въ данномъ случаѣ весьма опрометчиво, поощряя его сдѣлать очевидно ложный шагъ; ему представляется даже это об-

стоятельство „темнымъ и загадочнымъ, при всемъ извѣстномъ благодушіи Жуковскаго“ [1]), но намъ думается, что именно эта ссылка на „благодушіе“ Жуковскаго является достаточнымъ объясненіемъ всего его дѣйствительно ошибочнаго отношенія къ притязанію Гоголя на прохожденіе ученой карьеры. Самъ Жуковскій, при всемъ своемъ весьма солидномъ литературномъ образованіи, былъ все-таки чуждъ этой сферы жизни; но если припомнить, что даже такіе присяжные ученые, какъ И. И. Срезневскій и М. П. Погодинъ, относились съ подобнымъ же довѣріемъ къ научнымъ замысламъ Гоголя, и что въ 1830-хъ годахъ университетскія каѳедры нерѣдко замѣщались у насъ лицами мало къ тому подготовленными, то содѣйствіе Жуковскаго Гоголю не будетъ заключать въ себѣ ничего особенно загадочнаго и необъяснимаго. Безъ сомнѣнія, съ той же надеждой на постоянное сочувствіе къ себѣ Жуковскаго Гоголь обращался къ нему лѣтомъ 1835 года изъ Полтавы, съ просьбой предотвратить угрожавшее ему удаленіе отъ должности преподавателя Патріотическаго Института, за неисправное отношеніе къ своимъ обязанностямъ [2]).

Но внутренній душевный переломъ въ Гоголѣ, постепенно совершавшійся въ эти поистинѣ счастливые годы для его литературнаго развитія, привелъ его однако же къ болѣзненной рѣшимости уѣхать лѣтомъ 1836 года на долгое время за границу, чтобы вдали отъ родной среды отдаться совершенію труда надъ „Мертвыми Душами“, которому Гоголь придавалъ огромное, несоотвѣтственное, почти фантастическое значеніе, какъ средству нравственнаго самоочищенія и какъ высокому гражданскому подвигу. Мы не имѣемъ указаній на то, чтобы друзья Гоголя, и въ томъ числѣ Жуковскій, оказали противодѣйствіе этому рѣшенію. Гоголь уѣхалъ даже не простившись ни съ Жуковскимъ,

1) Шенрокъ, II. 281—282.
2) Письма Н. В. Гоголя, I. 348—349.

ни съ Пушкинымъ; но первымъ его откликомъ съ чужбины было именно письмо къ Жуковскому (отъ 16 іюня 1836 года, изъ Гамбурга), гдѣ онъ, между прочимъ, такъ говоритъ по поводу того, что ему „не удалось“ передъ отъѣздомъ проститься съ Жуковскимъ: „Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ“. . . Впрочемъ, въ этомъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, Гоголь благодаритъ Жуковскаго „за хлопоты“ доставить ему „отъ императрицы на дорогу“ [1]).

II.

Первое путешествіе Гоголя за границу въ 1836—1839 годахъ. — Гоголь и Жуковскій въ Римѣ. — Письма и просьбы Гоголя къ Жуковскому изъ заграницы. — Возвращеніе Гоголя въ Россію и житье у Жуковскаго. — Гоголь въ Москвѣ и просьбы его къ Жуковскому о деньгахъ и должности въ Римѣ. — Второе заграничное путешествіе Гоголя въ 1840—1841 годахъ. — Окончательное уравненіе отношеній Гоголя къ Жуковскому и наставительный тонъ къ послѣднему въ письмахъ.

Первое заграничное путешествіе Гоголя, если не считать кратковременной и весьма странной поѣздки его въ Любекъ и Травемюнде въ 1829 году, продолжалось нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ: выѣхавши въ іюнѣ 1835 года изъ Петербурга, онъ въ сентябрѣ 1839 года вернулся въ Россію. Гоголь побывалъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Австріи, но большую часть времени провелъ въ Римѣ; главное его вниманіе сосре-

---

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 383. 385.

доточено было на лѣченіи себя частію отъ дѣйствительныхъ, частію воображаемыхъ болѣзней, а также на созданіи I тома „Мертвыхъ Душъ“, работа надъ которымъ, въ виду тяжелаго душевнаго настроенія Гоголя, тоже была процессомъ не только въ своемъ родѣ болѣзненнымъ, но и весьма мучительнымъ. Смерть Пушкина въ 1837 году была едвали не самой чувствительной изъ душевныхъ ранъ Гоголя за это время, и послѣ нея онъ еще ближе почувствовалъ себя къ Жуковскому, имя котораго тѣсно связывалъ онъ съ именемъ Пушкина. Впрочемъ, переписка ихъ не была особенно оживленой. Второе письмо Гоголя, послѣ упомянутаго уже перваго, послѣдовало мѣсяцевъ черезъ пять (отъ 12 ноября 1836 года, изъ Парижа) и начиналось такъ: „Я давно не писалъ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому же у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собой“; далѣе Гоголь сообщаетъ, что въ совершенномъ имъ путешествіи по Швейцаріи онъ постоянно вспоминалъ, при видѣ тѣхъ или иныхъ мѣстъ, Жуковскаго, и затѣмъ проситъ послѣдняго прислать ему свой портретъ, обѣщая въ обмѣнъ собственный портретъ, а также обращается съ просьбой о присылкѣ фактическаго матеріала для поэтической обработки сюжета о покупкѣ мертвыхъ душъ [1]). Въ апрѣлѣ 1837 года Гоголь, изъ Рима, просилъ Жуковскаго выхлопотать ему матеріальную поддержку отъ Государя [2]), и когда старанія Жуковскаго увѣнчались успѣхомъ, благодарилъ его, восклицая: „Вы! все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною!“ [3]). Въ декабрѣ 1838 года въ

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 413. 416.
2) Тамъ же, I. 441—444.
3) Тамъ же, I. 459.

Римъ, гдѣ въ то время находился Гоголь, пріѣхалъ и самъ Жуковскій, сопровождавшій наслѣдника престола въ путешествіи по Европѣ. Гоголь былъ необыкновенно обрадованъ этимъ пріѣздомъ, и съ восторгомъ извѣщалъ о немъ своихъ друзей въ Россіи. „Я такъ теперь счастливъ пріѣздомъ Жуковскаго — писалъ онъ княжнѣ В. Н. Репниной 18 января 1839 года — что это одно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было Пушкинъ. . . Мы почти весь день вмѣстѣ осматривали Римъ съ утра до ночи, исключая тѣхъ дней, въ которые онъ обязанъ дѣлать этотъ курсъ съ Наслѣдникомъ. Онъ весь упоенъ Римомъ и только жалѣетъ на короткость времени. Появленіе его здѣсь для меня точно сновидѣніе. Наслаждаюсь своимъ сномъ и боюсь и подумать о пробужденіи“ [1]). Они не только осматривали вмѣстѣ Римъ для знакомства съ его художественными сокровищами и древностью, но и дѣлали совмѣстныя прогулки по Риму и его окрестностямъ съ цѣлію рисовать съ натуры. Въ эти дни пребыванія Жуковскаго въ Римѣ произошло, повидимому, болѣе тѣсное сближеніе его съ Гоголемъ; не смотря на значительную разницу лѣтъ, послѣдній окончательно становится въ равныя съ нимъ товарищескія отношенія, что уже началось и въ Петербургѣ, но прервано было отъѣздомъ Гоголя за границу. Въ Римѣ ихъ сблизили съ одной стороны петербургскія воспоминанія, особенно о Пушкинѣ, память котораго для обоихъ ихъ была святыней, а съ другой — Римъ и его художественныя богатства, которымъ они оба поклонялись, хотя и не одинаковымъ образомъ; не безъ вліянія на это сближеніе осталось, вѣроятно, и то мистическое настроеніе, которое такъ сродно было душѣ Жуковскаго и проявленія котораго въ иномъ, не столь свѣтломъ, поэтическомъ видѣ, уже хорошо были знакомы Гоголю и

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 560—561.

входили составною частію въ его тогдашнее душевное состояніе. Кромѣ того, послѣ смерти Пушкина, Жуковскій сдѣлался для Гоголя неизмѣннымъ и авторитетнымъ повѣреннымъ въ его литературныхъ замыслахъ и трудахъ. Поэтому, когда Жуковскій вскорѣ оставилъ Римъ, Гоголь затосковалъ. „Вотъ уже недѣля — писалъ онъ Жуковскому изъ Рима, въ февралѣ 1839 года — какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру, т. е. разинувъ ротъ, глупо глядя въ слѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дня рѣшительно не зналъ, за что приняться". Обращаясь далѣе къ прелестямъ римской природы, Гоголь восклицаетъ: „Чудное время! Я былъ бы счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства которое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячъ, веселые крики". И наконецъ — объ ихъ прогулкахъ для рисованія съ натуры: „Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ, и оборотившись, вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты" [1]). Но письма Гоголя къ Жуковскому имѣли иногда и другой тонъ, также драгоцѣнный для характеристики его отношеній къ своему вліятельному другу: послѣдній нуженъ былъ ему не только какъ судья его произведеній и какъ близкая душа,

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 567—568. 570.

но и какъ посредникъ денежныхъ милостей отъ двора и вообще какъ опора въ затрудненіяхъ матеріальныхъ. Таково, напр., его письмо къ Жуковскому, при возвращеніи въ Россію, отъ 12 сентября 1839 года, изъ Варшавы, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе о неполученіи писемъ отъ Жуковскаго, и затѣмъ обращается къ нему съ просьбой исхлопотать пособіе въ пять тысячъ рублей на устройство его сестеръ при предстоявшемъ выпускѣ ихъ изъ института, припоминая при этомъ данное ранѣе Жуковскимъ обѣщаніе. Конецъ письма производитъ впечатлѣніе наивнаго эгоизма, неискренности, риторики: „Если бы вы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это не больше, какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножить еще на милліоны и потомъ удесятерить эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, если бы это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода. Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на семи холмахъ со всѣми его чудесами, исполинами-развалинами, соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ. . . О, я ѣду за вами и вашимъ, даннымъ вами словомъ, какъ Вельзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу“ [1]).

Въ сентябрѣ 1839 года Гоголь уже былъ въ Россіи, но его пребываніе здѣсь затянулось долѣе предположеннаго имъ срока, вмѣсто двухъ-трехъ мѣсяцевъ около девяти. Большую часть этого времени провелъ онъ въ Москвѣ, но ѣздилъ и въ Петербургъ, гдѣ останавливался у Плетнева, а затѣмъ у Жуковскаго въ его дворцовой квартирѣ. Объ одномъ изъ посѣщеній его здѣсь, 27 ноября 1839 года, весьма интересно разсказываетъ С. Т. Аксаковъ: „(Жуковскій) провелъ меня черезъ внутреннія комнаты къ кабинету Го-

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 5—6.

голя, тихо отперъ и отворилъ дверь. Я едва не закричалъ отъ удивленія. Передо мной стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапогъ длинные шерстяные русскіе чулки, выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали. Онъ долго не зря смотрѣлъ на насъ, по выраженію Жуковскаго, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся [1]). Вернувшись въ Москву, Гоголь, въ январѣ 1840 года, обратился къ Жуковскому съ письмомъ, въ которомъ изложилъ, съ большимъ практическимъ пониманіемъ, положеніе своихъ денежныхъ дѣлъ. Вопросъ шелъ о продажѣ Смирдину права на изданіе сочиненій Гоголя, который находилъ предложенія Смирдина слишкомъ скромными для себя и невыгодными. Чтобы представить дѣло въ наиболѣе желательномъ для себя свѣтѣ передъ Жуковскимъ, Гоголь не остановился даже передъ выдуманной имъ пропажей готовой комедіи „Женихи“ — такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Н. С. Тихонравовъ [2]) — и заключилъ письмо такой просьбой: „Итакъ, рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать средствъ, если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ-нибудь на годъ уѣхать скорѣй какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму и весну, приняться горячо за работу и, если можно, кончить романъ (т. е. „Мертвыя Души“) въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средства и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ,

---

1) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. „Русскій Архивъ“, 1890, VIII. 28.

2) Соч. Гоголя, изд. 10, II. 701.

которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ“ [1]). Деньги были Жуковскимъ немедленно добыты и доставлены Гоголю. Непосредственно за этимъ, въ благодарственномъ письмѣ къ Жуковскому, Гоголь выражаетъ ему полу-просьбу, въ видѣ мечты, получить въ Римѣ какую-либо казенную должность или „офиціальное порученіе“, которое могло бы обезпечить его для продолжительной литературной работы въ вѣчномъ городѣ: „Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ-либо изъ людей должностныхъ, не придумается ли какое средство?“ [2]). Болѣе конкретную форму просьба эта получила въ новомъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому, отъ 3 мая 1840 года изъ Москвы, не задолго передъ выѣздомъ его заграницу; онъ именно просилъ дать ему мѣсто секретаря при только что назначенномъ начальникѣ русскихъ художниковъ въ Римѣ П. И. Кривцовѣ: „вашъ и до гроба и за гробомъ, и по эту и по ту сторону жизни“, подписался подъ этимъ письмомъ Гоголь [3]). Но мѣсто это Гоголемъ не было получено.

Во время второго своего пребыванія за границей (въ 1840—1841 годахъ), на которое Гоголь получилъ возможность главнымъ образомъ благодаря упомянутому уже займу, предоставленному для него Жуковскимъ, онъ дважды обращался къ Жуковскому съ просьбами, но не для себя: первый разъ просилъ онъ за извѣстнаго художника А. А. Иванова, а второй — за художника А. Т. Маркова; въ послѣднемъ письмѣ Гоголь, между прочимъ, писалъ: „Что вы дѣлаете? здоровы ли вы? веселы ли? думаете ли о мнѣ? Я ничего не знаю и не слышу о васъ — это грустно. Я не скажу, что я здоровъ; нѣтъ, здоровье можетъ быть еще хуже, но я болѣе нежели здоровъ. Я слышу часто чуд-

1) Письма Н. В. Гоголя. II. 25—29.
2) Тамъ же, II. 31—32
3) Тамъ же, II. 42.

ныя минуты, чудной жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ одинъ благодарный гимнъ. Не пѣняйте, что я до сихъ поръ не уплачиваю вамъ взятыхъ у васъ денегъ. Все будетъ заплочено, можетъ быть нынѣшней же зимою. Наконецъ, не съ потупленными очами я предстану къ вамъ; и теперь я живу и дивлюсь самъ, какъ живу, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ, и не заботусь о жизни и не стыжусь быть нищимъ [1]).“ Эти строки, написанныя отъ сердца, способны примирить наблюдателя жизни Гоголя и съ его подчасъ слишкомъ настойчивыми просьбами о себѣ, и съ неискренностью въ извѣстныхъ случаяхъ, даже передъ лучшими его друзьями, и съ его наивнымъ эгоизмомъ; онѣ же даютъ и извѣстную оцѣнку стараніямъ Жуковскаго и его постоянной готовности прійти къ Гоголю на помощь, не взирая на странности и многія несимпатичныя стороны этой крайне сложной и болѣзненной душевной организаціи. Взаимныя отношенія между этими двумя лицами не только сдѣлались вполнѣ равными, но Гоголь началъ и къ Жуковскому обращаться съ тѣмъ же религіозно-возвышеннымъ и поучительнымъ тономъ, который все болѣе и болѣе принималъ онъ въ обращеніяхъ съ людьми. Такъ, готовясь, послѣ второй заграничной поѣздки, отправиться въ третью, Гоголь писалъ Жуковскому изъ Москвы, 10 мая 1842 года: „Здоровы ли вы? что дѣлаете? я буду къ вамъ; ждите меня! Много разскажу вамъ прекраснаго. Если вы смущаетесь чѣмъ-нибудь и что-нибудь земное и преходящее васъ безпокоитъ, то будете отнынѣ тверды и свѣтлы вѣрою въ грядущее. Все въ мірѣ ничто передъ высокою любовью, которую содержитъ Богъ къ людямъ“ [2]).

---

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 121—122.
2) Тамъ же, II. 169.

III.

Третье путешествіе Гоголя заграницу въ 1842—1848 годахъ. — Письма къ Жуковскому. — Свиданія въ Дюссельдорфѣ и Франкфуртѣ; литературныя бесѣды обоихъ писателей и труды; общность настроенія. — Отношеніе Жуковскаго къ изданію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". — Новое свиданіе во Франкфуртѣ. — Отъѣздъ Гоголя въ путешествіе на востокъ и письма его оттуда къ Жуковскому.

Въ іюнѣ 1842 года, немедленно послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ", Гоголь отправился въ третье, послѣднее и самое продолжительное, свое путешествіе за границу, откуда вернулся въ Россію лишь въ апрѣлѣ 1848 года, черезъ Одессу. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на путешествіе въ Палестину, Гоголь по прежнему провелъ все время въ разныхъ городахъ Западной Европы, влекомый изъ мѣста въ мѣсто болѣзненной страстью къ постоянному передвиженію, совѣтами докторовъ и мѣстопребываніемъ своихъ русскихъ друзей въ томъ или другомъ европейскомъ уголкѣ. Но Римъ, какъ и раньше, удержалъ надъ нимъ свою притягательную силу: въ немъ онъ чувствовалъ себя всего лучше и къ нему онъ постоянно стремился. Другимъ пунктомъ, къ которому въ эту пору тяготѣлъ Гоголь, былъ Жуковскій, переселившійся въ 1841 году, послѣ женитьбы, окончательно заграницу; Гоголь дважды провелъ съ нимъ болѣе или менѣе продолжительное время: одинъ разъ съ августа по декабрь въ 1843 году въ Дюссельдорфѣ, а другой разъ — во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ осенніе и зимніе мѣсяцы 1844 года. Отношенія ихъ въ эту пору сдѣлались еще тѣснѣе, чѣмъ прежде; старая дружба окрѣпла, и оба они еще болѣе стали чувствовать нужду другъ въ другѣ, не смотря на то, что Жуковскій къ этому времени окружилъ себя обстановкой собственной семейной жизни, а Гоголь по прежнему оставался бездомнымъ скитальцемъ и искалъ себѣ утѣшенія въ религіозно-поэтическихъ созерцаніяхъ, въ

стремленіи къ нравственному совершенствованію и въ надеждѣ на окончаніе своего великаго подвига, какимъ представлялась ему работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Скитаясь по разнымъ мѣстамъ заграницей, Гоголь въ эти годы получалъ письма отъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ главнымъ образомъ черезъ посредство Жуковскаго, съ которымъ онъ находился въ наиболѣе непрерывныхъ сношеніяхъ.

Едва выѣхавъ заграницу, Гоголь изъ Берлина, отъ 26 іюня 1842 года, написалъ Жуковскому длинное письмо. О себѣ онъ говорилъ такъ: „Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенья были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитанье души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣй льются душевныя мои слезы, и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія.“ Эта тирада является чрезвычайно типической для характеристики тогдашняго душевнаго состоянія Гоголя. Она находится въ полномъ соотвѣтствіи съ призываемымъ далѣе благословеніемъ на Жуковскаго, съ просьбой сообщить какъ можно подробнѣе и строже свои замѣчанія на „Мертвыя Души“ и съ назиданіемъ не падать духомъ: „Будьте свѣтлы, ибо свѣтло грядущее; и чѣмъ темнѣй помрачается на мгновенье небосклонъ нашъ, тѣмъ радостнѣй долженъ быть взоръ нашъ, ибо потемнѣвшій небосклонъ есть вѣстникъ свѣтлаго и торжественнаго проясне-

нія“ [1]). Можно сказать, что съ этого тона какъ въ отношеніи себя, такъ и Жуковскаго Гоголь не сходилъ уже въ сношеніяхъ съ послѣднимъ до конца своей жизни. Въ послѣдующихъ письмахъ, отъ 20 іюля изъ Гастейна и 1 ноября 1842 года изъ Рима, съ особенной настойчивостью повторяется просьба о замѣчаніяхъ на „Мертвыя Души“ [2]). Весной 1843 года Гоголь писалъ Жуковскому изъ Рима о своемъ желаніи пріѣхать къ нему въ Дюссельдорфъ и пожить съ нимъ вмѣстѣ нѣкоторое время: „Мысль эта занимаетъ меня сильно; мы тамъ въ совершенномъ уединеніи и покоѣ займемся работой; вы „Одиссеей“, а я „Мертвыми Душами“ [3]). Жуковскій между тѣмъ медлилъ отвѣтомъ какъ на этотъ проектъ Гоголя, такъ и вообще на его письма, что очень тревожило Гоголя и внушало даже ему мысль, что Жуковскій „разлюбилъ“ его. Издатель писемъ Гоголя полагаетъ, что „Жуковскій былъ въ это время не вполнѣ доволенъ Гоголемъ — всего вѣроятнѣе за частыя и слишкомъ настойчивыя просьбы Гоголя то за себя, то за Иванова“ [4]). Намъ думается, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Именно въ это время Гоголь не обращался къ Жуковскому ни съ какими просьбами, да и Жуковскій, со своей стороны, въ теченіе всей своей жизни былъ неизмѣнно послѣдователенъ въ чрезвычайно благосклонномъ отношеніи къ просьбамъ Гоголя. Причина неполученія нѣкоторое время отвѣта отъ Жуковскаго лежала, вѣроятнѣе всего, въ томъ, что Жуковскій былъ менѣе дѣятеленъ въ перепискѣ съ Гоголемъ, чѣмъ послѣдній; кромѣ того, онъ переживалъ первый годъ своей новой, семейной жизни и, быть можетъ, искалъ уединенія въ тѣсномъ, родственномъ кругу; къ тому же его жена въ эту пору была больна, послѣ первыхъ родовъ, и это

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 184—186.
2) Тамъ же, II. 186—187. 229.
3) Тамъ же, II. 285.
4) Тамъ же, II. 294, прим. 2.

чрезвычайно волновало и тревожило Жуковскаго. „Не сердитесь на мое молчаніе — писалъ Жуковскій 2 ноября 1842 года изъ Дюссельдорфа — не толкуйте его криво и вѣрьте моей искренней къ вамъ дружбѣ съ письмами отъ меня и безъ писемъ“ [1]). Впрочемъ, желанный отвѣтъ на вопросы Гоголя все-таки пришелъ и вызвалъ, отъ 5 мая 1843 года, изъ Флоренціи, радостный откликъ Гоголя, который предвкушалъ удовольствіе свиданія и возможность поговорить о „Мертвыхъ Душахъ“, что обѣщалъ ему и Жуковскій [2]). Давно ожидаемое свиданіе въ самомъ дѣлѣ состоялось. Эти мѣсяцы дюссельдорфской жизни Гоголя, вблизи Жуковскаго и его семейства, конечно, представляли для Гоголя большую душевную отраду; тутъ, повидимому, впервые въ продолжительныхъ и неоднократныхъ бесѣдахъ между собою, Гоголь и Жуковскій тѣсно прикоснулись другъ къ другу тѣми сходными мистическими сторонами своего настроенія, которое оба они питали въ душѣ, хотя не вполнѣ одинаково; но вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій, постоянно волнуемый въ это время семейными горестями, въ видѣ болѣзни близкихъ себѣ людей, не могъ оказать того оздоровляющаго, бодраго вліянія на душу Гоголя, въ которомъ тотъ нуждался для продолженія своего поэтическаго труда; послѣдній подвигался очень вяло, но тѣмъ болѣе росли у автора надежды на продолженіе и окончаніе его въ будущемъ. Съ этой мыслью и съ желаніемъ снова съѣхаться съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, Гоголь отправился въ Ниццу, чтобы провести тамъ остатокъ зимы 1843—1844 года.

Первымъ откликомъ Гоголя по пріѣздѣ въ Ниццу было его письмо къ Жуковскому, отъ 2 декабря 1843 года, а за нимъ послѣдовало отъ 8 января 1844 года второе, въ ко-

---

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 годъ. М. 1891, стр. 15.

2) Письма Н. В. Гоголя, II. 295—296.

торомъ, какъ и въ первомъ, Гоголь говоритъ о своихъ „Мертвыхъ Душахъ“ и спрашиваетъ Жуковскаго о ходѣ его работы надъ переводомъ „Одиссеи“: „Подумываю съ удовольствіемъ, когда мы будемъ читать другъ другу дѣла свои“, говоритъ Гоголь, имѣя въ виду обѣ эти литературныя работы [1]).

Что Жуковскій вообще не имѣлъ неудовольствія на Гоголя за его просьбы о себѣ и о другихъ, видно изъ новой и весьма существенной помощи, которую онъ оказалъ въ 1844 году Гоголю, и повидимому неожиданно для послѣдняго: онъ испросилъ у Наслѣдника позволеніе выплатить 4000 р., которые былъ ему долженъ Жуковскій, — не ему, а Гоголю. Гоголь, разумѣется, былъ обрадованъ этимъ; однако, будучи уже давно долженъ Жуковскому такую же именно сумму, просилъ его принять упомянутыя деньги въ уплату этого долга: „Я знаю, что это вамъ будетъ немножко досадно — писалъ Гоголь Жуковскому (отъ 29 мая 1844 года, изъ Баденъ-Бадена) объ этомъ нѣсколько двусмысленно и, кажется, не безъ задней мысли — но нечего дѣлать, нужно покориться обстоятельствамъ“ [2]); но Жуковскій не принялъ, конечно, такой комбинаціи, и Гоголь сполна получилъ отъ него эти деньги въ разные сроки.

Между тѣмъ приближалось новое продолжительное свиданіе Гоголя съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, которое казалось ему „весьма нужно и полезно“ для его „занятій“, какъ онъ писалъ объ этомъ Н. М. Языкову [3]). По характеру своему и по послѣдствіямъ, франкфуртское свиданіе было болѣе или менѣе однородно съ дюссельдорфскимъ. Въ смыслѣ литературной работы Жуковскій оказался въ это время, не смотря на свои годы и отвлеченіе въ сторону семейныхъ обязанностей, продуктивнѣе Гоголя; у послѣдняго

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 373.
2) Тамъ же, II. 447.
3) Тамъ же, II. 476.

работа попрежнему шла туго, и онъ охотнѣе писалъ длинныя письма своимъ московскимъ друзьямъ, чѣмъ двигалъ впередъ „Мертвыя Души“. Въ одномъ изъ нихъ, къ С. П. Шевыреву отъ 14 декабря 1844 года, Гоголь, между прочимъ, писалъ: „Скажи ему (Кирѣевскому), что хотя я и не даю никакой статьи въ „Москвитянинъ“, по причинѣ нищенства, но что Жуковскій мною заставленъ сдѣлать для „Москвитянина“ великое дѣло, котораго, безъ хвастовства, побудителемъ и подстрекателемъ былъ я“ [1]). Это были именно „Двѣ повѣсти“ (изъ Шамиссо и Рюккерта), дѣйствительно напечатанныя въ 1 № „Москвитянина“ за 1845 годъ. Характернымъ для отношеній Гоголя къ Жуковскому въ эту пору является письмо перваго изъ нихъ ко второму, писанное Гоголемъ во время ихъ совмѣстной жизни, изъ другой комнаты, въ одной и той же квартирѣ, какъ предполагаетъ одинъ изъ біографовъ Жуковскаго [2]). Оно начинается такъ: „Отъ всей души поздравляю васъ съ новымъ годомъ и подношу вамъ лучшій подарокъ, какой только могъ придумать. Для меня изъ всѣхъ подарковъ лучшій есть упрекъ, а потому дарю и васъ упрекомъ. Вы уже догадываетесь, что упрекъ будетъ за излишнее приниманіе къ сердцу всѣхъ мелочей и даже самыхъ малѣйшихъ непріятностей въ соединеніи съ безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа“. Дѣло въ томъ, что въ это время, въ ожиданіи новыхъ родовъ жены, Жуковскій страшно волновался и падалъ духомъ. Гоголь старался представить ему исключительно счастливое его положеніе и въ семейной жизни, и въ той умственной бодрости, которая подвигала его на новые поэтическіе труды „въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“; онъ внушалъ Жуковскому мысль, что не сокрушаться, а благодарить Бога долженъ

---

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 540.

2) К. К. Зейдлицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, стр. 202.

онъ за полученныя уже блага, и тогда наступающій новый годъ будетъ для него „плодотворнѣйшимъ изъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ“: „и съ нимъ поздравляю васъ еще разъ, мой другъ, благодѣтель, наставникъ и виновникъ многихъ прекрасныхъ минутъ въ моей жизни“, заканчиваетъ свое письмо Гоголь[1]). Но въ сущности такими взглядами проникнутъ былъ и самъ Жуковскій въ болѣе спокойномъ состояніи духа, и, между прочимъ, такъ писалъ 18 іюля 1845 года Гоголю, покинувшему уже Франкфуртъ и снова скитавшемуся по докторамъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Карлсбадѣ для опредѣленія сущности своей болѣзни и способовъ ея излѣченія: „чѣмъ болѣе думаешь, тѣмъ яснѣе становится одно, что мы должны покоряться и во всемъ, что бы съ нами ни случилось, видѣть добро, добро не потому, что оно намъ такимъ кажется, а потому, что все выходитъ изъ воли одного и того же любящаго Бога, который во всякое мгновеніе жизни нашей съ нами, что на свѣтѣ есть Его воля и что Его воля есть благо, въ чемъ бы оно ни проявлялось намъ. Итакъ, покорность!“ [2]). Годы и старые тѣлесные недуги самого Жуковскаго, заставлявшія его также ѣздить по докторамъ и курортамъ, дѣлали еще болѣе естественной эту душевную гармонію его съ Гоголемъ,съ которымъ онъ желалъ новыхъ свиданій и совмѣстной жизни, приглашая его снова пріѣхать во Франкфуртъ „непремѣнно“, гдѣ Гоголя будетъ ждать „пріютъ родной“, и гдѣ ему будетъ „спокойно и беззаботно“ [3]); но Гоголь не могъ послѣдовать этому приглашенію, стремясь въ Римъ [4]). Тогда Жуковскій писалъ Гоголю изъ Франкфурта, 6 октября 1845 года: „Теперь начинаю вести жизнь по старому. Принимаюсь за свои

---

1) Письма Н. В. Гоголя, III. 6—8.

2) Письма В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю. Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1887 годъ. Спб. 1890, приложенія, стр. 37.

3) Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 годъ, стр. 17.

4) Письма Н. В. Гоголя, III. 98—99.

переводы. . . Но при этихъ работахъ не разъ придется вздохнуть о васъ и о нашихъ сходкахъ на моихъ антресоляхъ. Весьма надѣюсь, что Богъ позволитъ намъ возобновить ихъ нѣкогда на Руси, подъ небомъ Москвы или на берегахъ Невы, а можетъ быть гдѣ-нибудь у меня, въ моемъ лифляндскомъ домикѣ" [1]).

Гоголь вполнѣ сочувствовалъ мысли Жуковскаго возвратиться въ Россію, гдѣ, по его словамъ, Жуковскому „будетъ радостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо" [2]). Но этому желанію Жуковскаго не суждено было осуществиться. А между тѣмъ самъ Гоголь, мало-по-малу приходившій къ вѣрной мысли, что болѣзнь его заключается главнымъ образомъ „въ нервахъ и во всеобщемъ разслабленіи и изнуреніи силъ", замышлялъ новое обширное путешествіе: „Путешествіе и дорога — писалъ онъ 16 марта 1846 года изъ Рима Жуковскому — мнѣ помогли доселѣ лучше всякихъ средствъ и лѣченій, а потому весь этотъ годъ я осуждаю себя на странствіе. Лѣтомъ объѣду всю Германію, заѣду въ Англію, которой не знаю, и въ Голландію, которой тоже не видѣлъ; осенью объѣду Италію, зимою берега Средиземнаго моря, Сирію, Грецію, Іерусалимъ и черезъ Константинополь, если благословитъ Богъ, въ Россію"; но предварительно онъ желалъ повидаться съ Жуковскимъ [3]). Жуковскій вообще отнесся съ сочувствіемъ къ плану путешествія, но совѣтовалъ Гоголю ограничить его Европой и не пускаться на востокъ: „съ вашими нервами затруднительныя путешествія по горамъ, по степямъ, посреди препятствій и опасностей всякаго рода, никуда не годятся", и далѣе: „думайте во все это время только объ одномъ Богѣ и пользуйтесь вполнѣ свободою — это будутъ счастливыя минуты, цѣлительныя для души и тѣла" [4]).

---

1) Отчетъ, стр. 40.
2) Письма Н. В. Гоголя, III. 108.
3) Тамъ же, III. 155—156.
4) Отчетъ, стр. 44.

Свиданіе Гоголя съ Жуковскимъ дѣйствительно состоялось на короткое время въ Швальбахѣ, въ іюлѣ 1846 года, гдѣ лѣчился Жуковскій, а потомъ во Франкфуртѣ въ октябрѣ того же года; въ это время онъ усердно занимался подготовленіемъ къ изданію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Гоголю пришлось значительно съузить рамки своего предположеннаго путешествія; но отъ поѣздки на востокъ онъ не отказался, проведя передъ ней зиму 1846—1847 года въ Неаполѣ; все это время онъ находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, который попрежнему былъ его единственнымъ посредникомъ при полученіи писемъ изъ Россіи. Письма Гоголя къ Жуковскому изъ Неаполя въ 1847 году отличаются особой дружеской нѣжностью какъ по содержанію, такъ и по тону; до того времени они обращались другъ къ другу на „вы", но съ весны 1847 года уже на „ты", при чемъ, сколько можно прослѣдить по письмамъ, Жуковскій первый вызвалъ своего друга на эту перемѣну письмомъ отъ 6 февраля по ст. ст., и Гоголь отвѣтилъ тѣмъ же въ письмѣ 6 марта 1847 года.

Какъ извѣстно, въ началѣ 1847 года вышла изъ печати книга Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", составляющая единственное сколько-нибудь цѣльное выраженіе литературныхъ стремленій Гоголя во время его третьяго пребыванія за границей; вмѣстѣ съ этимъ, она составляетъ и наилучшую характеристику душевнаго состоянія Гоголя за это время. Отношеніе Жуковскаго къ этому сочиненію было ближе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому литературному труду Гоголя; но характеръ и степень этого отношенія въ точности опредѣлить не легко.

Несомнѣнно, что въ послѣднее свиданіе во Франкфуртѣ и Швальбахѣ Гоголь совѣщался съ Жуковскимъ о нѣкоторыхъ частяхъ предположенной къ изданію книги, напр. „Предисловіе", „Завѣщаніе", „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность" и

„Свѣтлое Воскресеніе“, тогда какъ другія, и въ томъ числѣ имѣющія прямо форму „писемъ“ къ Жуковскому („О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ и „Просвѣщеніе“), остались повидимому для него неизвѣстными до появленія ихъ въ печатномъ видѣ или извѣстными лишь отчасти и въ иной редакціи. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ“ Жуковскій олицетворялъ собою сдерживающее начало и старался удержать Гоголя отъ слишкомъ крайнихъ выводовъ и парадоксовъ, предвидя возможность рѣзкаго отношенія къ этому со стороны критики; но, вѣроятно, Гоголь, имѣвшій на приготовляемую книгу совершенно особую точку зрѣнія, мало былъ склоненъ прислушиваться къ трезвымъ совѣтамъ Жуковскаго. Какъ бы то ни было, но Жуковскому одному изъ первыхъ былъ доставленъ экземпляръ вышедшей изъ печати книги. По поводу этой получки Жуковскій написалъ Гоголю весьма интересное письмо, отъ 6 февраля 1847 года, въ которомъ о книгѣ говоритъ такъ: „Хочу только сказать, что твоя книга теперь въ моихъ рукахъ, что я ее уже всю прочиталъ или почти всю, то есть кромѣ двухъ послѣднихъ статей, уже мнѣ извѣстныхъ; что я въ ней нашелъ два письма ко мнѣ, которыя сдѣлали большой крюкъ въ Петербургъ, дабы изъ типографіи департамента внѣшней торговли дойти до меня въ печатномъ образѣ“. Далѣе Жуковскій признаетъ, что хотя книга, въ отношеніи слога, явилась „въ такомъ неопрятномъ видѣ“ и далеко не лишена недостатковъ по содержанію, но что она „должна произвести и произведетъ всеобщее сильное и благотворное дѣйствіе“; онъ обѣщаетъ Гоголю написать по поводу ея свои замѣчанія, которыя, въ свою очередь, также могутъ составить книгу, и при этомъ дѣлаетъ весьма любопытное и цѣнное признаніе о характерѣ своего собственнаго литературнаго творчества: „Я часто замѣчалъ, что у меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ выраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей.

Мой умъ — какъ огниво, которымъ надобно ударить объ кремень, чтобъ изъ него выскочила искра. Это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все или чужое или по поводу чужого — и все однако мое.“ Наконецъ, Жуковскій досадуетъ, что книга издана Гоголемъ слишкомъ поспѣшно: „И на что была нужна эта поспѣшность, понять не могу. Если бъ вмѣсто того, чтобы скакать въ Неаполь, ты мѣсяца два провелъ со мною во Франкфуртѣ, мы бы все вмѣстѣ пережевали, и книга бы была избавлена отъ многихъ пятенъ литературныхъ и типографскихъ, которыхъ теперь съ нея не снимешь“ [1]). Это письмо Жуковскаго и его намѣреніе писать замѣчанія на „Выбранныя мѣста“ очень обрадовали Гоголя, равно какъ пришелся ему по душѣ и общій отзывъ о его книгѣ со стороны Жуковскаго: „Я размахнулся въ моей книгѣ — писалъ онъ ему въ отвѣтъ, изъ Неаполя отъ 6 марта 1847 года, — такимъ Хлестаковымъ , что не имѣю духу заглянуть въ нее; но тѣмъ не менѣе книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться, для того чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ. . . Признаюсь, радостнѣй всего мнѣ было услышать вѣсть о благодатномъ замыслѣ твоемъ — писать письма по поводу моихъ писемъ“ [2]).

Между тѣмъ Гоголю пришло на мысль отложить нѣсколько путешествіе на востокъ и передъ тѣмъ съѣздить на морскія купанья въ Остенде, а оттуда заѣхать во Франкфуртъ къ Жуковскому; послѣднее предполагалъ онъ на іюнь 1847 года. Жуковскій съ радостью встрѣтилъ это намѣреніе Гоголя — тѣмъ болѣе, что и самъ, вслѣдствіе болѣзни жены и другихъ семейныхъ обстоятельствъ, имѣлъ въ виду отложить нѣсколько свой предполагавшійся отъѣздъ

1) Отчетъ, стр. 53—55.
2) Письма Н. В. Гоголя, III. 397—398.

въ Россію и ждалъ только разрѣшенія на это изъ Петербурга: „изъ этого слѣдуетъ — писалъ Жуковскій въ письмѣ отъ 12 марта 1847 года — что мы могли бы еще и пожить если не въ одномъ домѣ, то въ одномъ мѣстѣ, и мои критико-философическія письма шли бы не черезъ почту, а передавались бы изъ рукъ въ руки“ [1]). Свиданіе это въ самомъ дѣлѣ состоялось, и именно приблизительно въ назначенное Гоголемъ время; только поѣздка въ Остенде предпринята была Гоголемъ не до свиданія съ Жуковскимъ, а послѣ этого, въ августѣ и сентябрѣ 1847 года; затѣмъ, осенью и зимой того же года, мы видимъ Гоголя снова въ Италіи. Быть можетъ, свиданіе Жуковскаго съ Гоголемъ во Франкфуртѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1847 года, которое было ихъ послѣднимъ личнымъ свиданіемъ, и бесѣды, веденныя по поводу „Выбранныхъ мѣстъ“ съ ихъ авторомъ, нѣсколько ослабили въ Жуковскомъ желаніе написать предположенныя имъ къ изданію „Отрывки изъ писемъ къ Гоголю, писанные къ нему о его книгѣ“; не безъ вліянія на это могли оказаться и семейныя осложненія у Жуковскаго и его собственная болѣзнь, особенно начинавшаяся слабость зрѣнія, препятствовавшая литературной работѣ; во всякомъ случаѣ мысль Жуковскаго не была осуществлена имъ въ полномъ видѣ, а только отчасти; именно, имъ написано три „письма“ къ Гоголю: одно „О смерти“, выше упомянутое и писанное въ два пріема, отъ 20 февраля и 12 марта 1847 года, другое — „О молитвѣ“ и третье „Слава поэта — дѣла поэта“, помѣченное 29 января 1848 года [2]). Но это, конечно, было не то, чего хотѣлось, но не удавалось исполнить Жуковскому, и чего ожидалъ Гоголь. Можно однакоже съ большой вѣроятностью утверждать, что то особенно тѣсное душевное общеніе между Жуковскимъ и Гоголемъ, къ которому подала поводъ книга „Выбранныя мѣста изъ переписки

1) Отчетъ, стр. 62.
2) Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. 8, т. VI, стр. 81—105.

съ друзьями", имѣло и еще одно литературное послѣдствіе, именно письмо Гоголя къ Жуковскому отъ 22 декабря 1847 года, имѣвшее по содержанію и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ по формѣ ближайшую связь съ „Авторской Исповѣдью" [1]; собираясь въ будущемъ выпустить второе, измѣненное изданіе „Выбранныхъ мѣстъ", Гоголь имѣлъ въ виду помѣстить его тамъ на мѣсто „Завѣщанія" и дать ему заглавіе: „Искусство есть примиреніе съ жизнью"; но мысли о второмъ изданіи „Выбранныхъ мѣстъ" не суждено было осуществиться. Въ этомъ письмѣ есть одно любопытное мѣсто, гдѣ Гоголь, говоря о своихъ будущихъ, болѣе совершенныхъ трудахъ, сопоставляетъ мимоходомъ себя съ Жуковскимъ, какъ писателя: „Можетъ быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно вслѣдъ за твоей, примолвивши: оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга"; въ концѣ письма Гоголь выражаетъ мечту когда-нибудь снова пожить съ Жуковскимъ „въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга". Мысль объ извѣстномъ сходствѣ своихъ литературныхъ стремленій со стремленіями Жуковскаго, не съ внѣшней только стороны, но и по внутреннему содержанію, выразилъ Гоголь въ другомъ письмѣ къ Жуковскому, отъ 16 февраля 1848 года, изъ Іерусалима, а равно и повторилъ мысль о желаніи пожить вмѣстѣ въ Москвѣ [2]. Конечно, это сходство должно быть понимаемо въ болѣе или менѣе общемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ субъективномъ смыслѣ, какъ его, очевидно, принималъ и Жуковскій, писавшій 7 апрѣля 1848 года Гоголю, изъ Ганау: „Мы можемъ еще рука въ руку пройти по одной дорогѣ, имѣя передъ глазами цѣль высокую и святую, для пользы души нашей, а съ нею и для

---

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 134—142.

2) Тамъ же, IV. 172—173.

пользы нашего отечества“ [1]); но въ смыслѣ объективномъ и не столь общемъ между литературными замыслами и средствами Гоголя и Жуковскаго была большая разница: даже при концѣ своей литературной дѣятельности Жуковскій, обладая въ несравненно большей степени душевнымъ здоровьемъ, чѣмъ Гоголь, усердно и весьма успѣшно работалъ надъ переводомъ Гомера, тогда какъ Гоголь все болѣе и болѣе запутывался въ собственныхъ литературныхъ планахъ и явнымъ образомъ терялъ способность къ здоровому поэтическому творчеству.

Путешествіе въ Палестину было совершено Гоголемъ весьма поспѣшно и для Жуковскаго неожиданно [2]); кромѣ упомянутаго уже письма къ Жуковскому изъ Іерусалима, отъ 16 февраля 1848 года, онъ отозвался Жуковскому короткимъ письмомъ оттуда же, отъ 19 февраля 1848 года, увѣдомляя его о скоромъ пріѣздѣ въ Россію и прося молиться о себѣ: „о васъ поручилъ (въ Іерусалимѣ) молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться“, прибавлялъ Гоголь [3]); въ записной его книжкѣ, въ самомъ дѣлѣ, было записано имя Жуковскаго среди тѣхъ немногихъ, „чьи имена вспомнить у Гроба Святого“ [4]). Покинувъ Іерусалимъ, Гоголь, уже на пути въ Россію, написалъ Жуковскому еще небольшое письмо изъ Бейрута, отъ 6 апрѣля 1848 года, съ разсказомъ о своемъ причащеніи у Гроба Господня въ Іерусалимѣ [5]).

---

1) Отчетъ, стр. 66.
2) Отчетъ, стр. 64.
3) Письма Н. В. Гоголя, IV. 170.
4) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10, т. VI, стр. 532.
5) Письма Н. В. Гоголя, IV. 176—177.

IV.

Отношенія Жуковскаго и Гоголя въ послѣдніе четыре года ихъ жизни (1848—1852). — Просьба Жуковскаго къ Гоголю о „локальныхъ краскахъ“ Палестины и отвѣтъ Гоголя. — Смерть Гоголя и впечатлѣніе, произведенное ею на Жуковскаго. — Смерть Жуковскаго.

Путешествіе Гоголя въ Палестину было концомъ его заграничныхъ странствованій, и послѣдніе четыре года своей жизни (1848—1852) онъ провелъ въ Россіи.

Едва вступивши на родную почву по возвращеніи изъ Палестины, Гоголь въ Одессѣ прочелъ напечатанное въ № 4 „Москвитянина“ за 1848 годъ адресованное къ нему ранѣе упомянутое письмо Жуковскаго „Слова поэта — дѣла поэта“: „Оно очень, очень дѣльно, — писалъ по этому поводу Гоголь Жуковскому 15 іюня 1848 года изъ Полтавы — понравилось многимъ, а меня освѣжило. Никогда еще такъ вѣрно и такъ прекрасно не было сказано о долгѣ писателя; никогда еще, можетъ быть, не было такъ нужно сказать это, какъ въ нынѣшнее время“. Мысли Жуковскаго, выраженныя въ этомъ письмѣ, о возвышенныхъ и вѣчныхъ цѣляхъ поэзіи, объ обязанностяхъ поэта къ самому себѣ и къ дѣлу, которому онъ служитъ, о его духовномъ величіи и свободѣ Гоголь, въ упомянутомъ письмѣ, дополняетъ замѣчаніями, характерными для его собственныхъ воззрѣній на задачи поэтическаго творчества и роль писателя въ эту пору его жизни: „Что намъ до того, производятъ ли вліяніе слова, слушаютъ ли насъ? Дѣло въ томъ, остались ли мы сами вѣрны прекрасному до конца дней нашихъ, умѣли ли возлюбить его такъ, чтобы не смутиться ничѣмъ, вокругъ насъ происходящимъ, и чтобы пѣть ему безустанно пѣснь и въ ту минуту, когда бы валился міръ и все земное разрушалось. Умереть съ пѣніемъ на устахъ — едва ли не таковъ неотразимый долгъ для поэта, какъ для воина умереть съ оружьемъ въ рукахъ“ [1]).

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 201—202.

Въ послѣдніе годы переписка Гоголя и Жуковскаго шла довольно вяло. Гоголь, живя въ Россіи и среди своихъ московскихъ друзей, чувствовалъ менѣе потребности въ обмѣнѣ письмами со своимъ заграничнымъ другомъ, нежели Жуковскій, здоровье котораго окончательно разрушалось, и ускользали послѣднія надежды вернуться когда-нибудь въ Россію; онъ упрекалъ Гоголя за молчаніе, и тотъ въ отвѣтъ на это, отъ 14 мая 1849 года, писалъ изъ Москвы: „Я много изстрадался за это время. Много было слезъ. Безплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она въ силахъ была произвести что-либо. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, что среди колебаній и тревогъ удалось создать“ [2]). Затѣмъ, опять послѣ довольно значительнаго промежутка, Гоголь пишетъ, изъ Одессы, Жуковскому на новый годъ 1850 годъ, выражая надежду на его возвратъ въ Россію и желаніе повидаться съ нимъ „въ Ревелѣ, Ригѣ или гдѣ индѣ“ [3]). Жуковскаго въ это время особенно занимала обработка поэтическаго сюжета „Вѣчный Жидъ“, и онъ обратился къ Гоголю, для скорѣйшаго и болѣе успѣшнаго окончанія этой своей „лебединой пѣсни“, за „локальными красками Палестины“, составлявшей мѣсто дѣйствія поэмы Жуковскаго; онъ просилъ его набросать „нѣсколько живыхъ картинъ“ Палестины „безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется“, увѣряя, что это будетъ ему „несказанно полезно и даже вдохновительно“ для его поэтическаго труда [4]). Эта просьба вызвала со стороны Гоголя весьмо замѣчательное и длинное письмо изъ Москвы, отъ 28 февраля 1850 года. Тутъ сказалась вся, отчасти уже указанная, разница во взглядахъ Жуковскаго и Гоголя на пріемы и средства поэтической

---

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 255.

2) Тамъ же, IV. 293.

3) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7, т. VI, стр. 613; Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 годъ, стр. 21—22.

работы, какъ оба они понимали ее въ это время. Просьба Жуковскаго была въ извѣстномъ смыслѣ естественна и понятна: онъ желалъ получить впечатлѣнія Гоголя отъ Палестины, какъ внѣшній матеріалъ, который могъ бы ему въ его работѣ замѣнить, до извѣстной степени, недостатокъ его собственныхъ впечатлѣній, обогатить его поэтическое воображеніе реальными чертами живого наблюдателя палестинской природы. Но Гоголь взглянулъ на дѣло не съ внѣшней, а именно съ внутренней стороны, и эту точку зрѣнія признавалъ для себя единственно возможной въ данномъ случаѣ: „Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души. Нѣтъ, всѣ эти святыя мѣста уже должны быть въ твоей душѣ. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе, — и всѣ святыя окрестности возстанутъ передъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ какомъ они должны возстать“ [1]). Впрочемъ, не смотря на это разсужденіе, Гоголь, уступая желанію Жуковскаго, далъ все-таки прекрасный очеркъ своихъ впечатлѣній отъ Святой Земли, полный живыхъ и поэтическихъ красокъ; въ этой части письма Гоголя въ немъ проснулся, противъ желанія, геніальный художникъ, оказавшійся еще въ силахъ на минуту выйти изъ того мистическаго тумана, который уже вполнѣ безнадежно окутывалъ его прежніе поэтическіе замыслы и надежды; тутъ Гоголь сталъ въ самое очевидное противорѣчіе съ самимъ собою, какъ художникъ съ одной стороны и мистикъ-аскетъ съ другой. Кромѣ того, Жуковскій легко бы могъ привести возраженіе Гоголю, по поводу его разсужденій о безполезности внѣшнихъ впечатлѣній, изъ собственнаго письма Гоголя къ нему отъ 15 іюня 1848 года, гдѣ Гоголь выражалъ

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 302.

намѣреніе съѣздить не только въ Москву и въ Петербургъ, но и свернуть съ дороги куда-нибудь въ сторону „вовнутрь Руси, чтобы освѣжить свою память и все-таки набраться кое-какихъ нужныхъ матеріаловъ“ [1]). Такимъ образомъ, тѣ внѣшнія впечатлѣнія, полезность и важность которыхъ Гоголь отвергалъ по отношенію къ Жуковскому, вполнѣ правильно считалъ онъ важными для своего собственнаго поэтическаго труда (второго тома „Мертвыхъ Душъ“), глубокое внутреннее значеніе котораго онъ объединялъ такъ охотно съ поэтическими работами Жуковскаго на склонѣ его жизни: съ такой внутренней борьбой уступалъ въ Гоголѣ мало по малу мѣсто художникъ религіозному мистику и аскету.

На слѣдующій новый годъ, уже послѣдній въ жизни обоихъ поэтовъ, Гоголь привѣтствовалъ Жуковскаго опять коротенькимъ письмомъ отъ 20 декабря 1851 года, изъ Москвы [2]). Это письмо весьма обрадовало уже тогда почти слѣпого Жуковскаго, написавшаго Гоголю послѣднее отвѣтное письмо отъ 4 января 1852 года, изъ Баденъ-Бадена. Поздравляя Гоголя съ новымъ годомъ, Жуковскій писалъ: „Дай Богъ тебѣ къ концу его дать жизнь „Мертвымъ Душамъ“ твоимъ; много писать тебѣ не могу, да и не о чемъ: слѣпота не обильная матерія для переписки“ [3]). Послѣднее письмо Гоголя Жуковскому, чрезвычайно теплое и въ тонѣ самой искренней дружбы, написано было Гоголемъ изъ Москвы, отъ 2 февраля 1852 года, за три недѣли до смерти: „Что вспоминаю о тебѣ часто въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ, объ этомъ бы не слѣдовало и писать. Горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я много долженъ. . . О себѣ что сказать? Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 202.
2) Тамъ же, IV. 414.
3) Отчетъ, стр. 67.

добросовѣстна, и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной. Будь здоровъ, и Богъ тебѣ въ помощь, милый, близкій душѣ братъ“! [1]).

Такова была послѣдняя просьба, обращенная Гоголемъ къ Жуковскому, который постоянно съ охотой шелъ на встрѣчу просьбамъ своего меньшого литературнаго собрата. Оба они дожили до того момента, когда имъ ничего не казалось нужнымъ, кромѣ молитвы; тутъ слились ихъ желанія въ единый, гармоническій аккордъ.

Смерть уже стояла у изголовья обоихъ поэтовъ, и первой жертвою ея сдѣлался Гоголь (21 февраля 1852 года). Получивъ извѣстіе о смерти Гоголя, чрезвычайно пораженный этимъ Жуковскій писалъ П. А. Плетневу 5 марта 1852 года, изъ Бадена: „И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи; теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ — изъ двухъ мужескаго пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки — Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неоконченныхъ работъ; для нашей литературы онъ потеря незамѣняемая. . . Настоящее его призваніе было монашество; я увѣренъ, что если бы онъ не началъ свои „Мертвыя Души“, которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не давалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно“ [2]).

---

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 421—422.

2) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Издалъ Я. Гротъ. Т. Ш. Спб. 1885, стр. 732.

Приблизительно черезъ полтора мѣсяца (12 апрѣля 1852 года) вслѣдъ за Гоголемъ покинулъ земное поприще и Жуковскій.

V.

Поясненія и выводы. — Несоизмѣримость обоюднаго другъ для друга значенія Гоголя и Жуковскаго. — Разница ихъ духовнаго склада и внѣшнихъ условій жизни. — Истинный характеръ благодѣяній Жуковскаго Гоголю. — Вліяніе Жуковскаго на собственно литературную карьеру Гоголя. — Общее у Гоголя и Жуковскаго: юморъ, мистицизмъ; взглядъ обоихъ ихъ на молитву. — Оцѣнка поэтической дѣятельности Гоголя Жуковскимъ и поэтической дѣятельности Жуковскаго Гоголемъ.

Мнѣ остается теперь сдѣлать нѣкоторыя поясненія и выводы.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, отношенія Гоголя къ Жуковскому являются въ общемъ непрерывными со времени ихъ знакомства въ концѣ 1830 года и кончая смертью Гоголя, т. е. въ теченіе почти 22 лѣтъ, обнимающихъ всю литературную жизнь великаго юмориста: вотъ почему разсказъ объ этихъ отношеніяхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и краткій очеркъ цѣлой половины жизни Гоголя, всего зрѣлаго ея періода. Мѣсто, занимаемое Гоголемъ въ жизни Жуковскаго, не можетъ быть соизмѣримо съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣлъ Жуковскій въ жизни Гоголя уже по одному тому, что начало ихъ личныхъ отношеній совпало для юнаго тогда Гоголя съ первыми шагами его литературной карьеры, между тѣмъ какъ Жуковскій, бывшій въ то время на склонѣ пятаго десятка лѣтъ, являлся писателемъ признаннымъ, опредѣлившимся и обладавшимъ независимымъ и вліятельнымъ положеніемъ. Но разница ихъ взаимныхъ отношеній не ограничивалась этими внѣшними и хронологическими данными; она имѣла и глубокія вну-

треннія основанія. Жуковскій обладалъ отъ природы значительнымъ физическимъ и духовнымъ здоровьемъ, которое, въ связи съ условіями его воспитанія и жизненной обстановки, обезпечило ему не только долгую жизнь, но и непрерывную свѣжесть мысли, живую способность къ работѣ, душевную уравновѣшенность и свѣтлый оптимистическій взглядъ на жизнь; и на этой основной почвѣ ни тяжелыя душевныя испытанія, выпавшія на долю Жуковскаго, ни глубокія впечатлѣнія отъ литературныхъ вліяній не могли произвести въ его духовномъ складѣ существенныхъ колебаній или отклоненій. Гоголь не обладалъ этими счастливыми данными. При неособенно здоровой физической организаціи, нервный и самолюбивый, принужденный самъ пробивать себѣ дорогу въ жизни съ большимъ трудомъ и не безъ лишеній, Гоголь, въ теченіе своего жизненнаго и литературнаго поприща, не мало колебался, падалъ и вставалъ, торжествовалъ и впадалъ въ уныніе; разъ вступивъ на литературную дорогу и найдя на ней свое подходящее мѣсто, Гоголь, при тогдашнихъ условіяхъ литературнаго труда и при своей болѣзненной и дорого стоившей страсти къ перемѣнѣ мѣстъ, постоянно нуждался въ средствахъ и болѣе или менѣе находился въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя могли ихъ ему предоставить; хотя въ ту пору царскими щедротами, въ видѣ подарковъ, пользовались, помимо Гоголя, и многіе другіе, въ томъ числѣ и самъ Жуковскій, но у Гоголя это пользованіе было обставлено разнаго рода случайностями, постоянными опасеніями за неудачу и посредничествомъ друзей, что до извѣстной степени осложняло и увеличивало его нравственную зависимость передъ другими.

Гоголь не разъ называлъ Жуковскаго: „мой истинный наставникъ и учитель“, „близкій душѣ человѣкъ“, „благодѣтель“. Къ чести Жуковскаго слѣдуетъ отмѣтить, что не только два первыя обращенія къ нему Гоголя являются искреннимъ выраженіемъ ихъ духовныхъ отношеній, но и

третье не заключало въ устахъ его ни горечи, ни чувства оскорбленнаго самолюбія, ни унизительнаго подчиненія; свои „благодѣянія“ Гоголю, которыя, будучи въ Россіи, устраивалъ Жуковскій самъ, а по выѣздѣ заграницу черезъ своихъ друзей, особенно черезъ А. О. Смирнову, обставлялъ онъ такой неподдѣльной деликатностью и благодушіемъ, столь очевиднымъ и искреннимъ дружескимъ участіемъ къ Гоголю и уваженіемъ къ его таланту, что у послѣдняго не оставалось мѣста ни для какого дурного чувства или недоразумѣній; эти отношенія Жуковскаго къ Гоголю особенно выигрываютъ по сравненію ихъ съ отношеніями на той же почвѣ нѣкоторыхъ его московскихъ друзей. Во взглядѣ Жуковскаго на Гоголя постоянно было что-то отеческое, хотя ихъ взаимныя отношенія въ послѣднее десятилѣтіе жизни ихъ обоихъ и окончательно уравнялись. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если въ этотъ періодъ жизни обоихъ писателей Жуковскій находилъ въ Гоголѣ желанный и сочувственный откликъ на свои нравственно-религіозныя воззрѣнія, то Жуковскій для Гоголя и въ первую половину ихъ личнаго знакомства былъ важной и существенной опорой жизни, не въ одномъ только матеріальномъ, но еще болѣе въ нравственномъ, душевномъ смыслѣ. Въ собственно-литературной карьерѣ Гоголя Жуковскій также принималъ постоянное участіе. Онъ первый доставилъ ему доступъ въ петербургскіе литературные кружки и въ среду просвѣщенныхъ цѣнителей литературы и искусства; онъ его познакомилъ съ Пушкинымъ, который до конца своей жизни былъ для Гоголя какъ бы путеводной звѣздой въ его поэтическихъ трудахъ; онъ встрѣчалъ съ одобреніемъ и восторгомъ первые литературные успѣхи Гоголя, который именно въ кружкѣ Жуковскаго читалъ, до напечатанія, многія изъ своихъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ и „Ревизора“, который былъ поставленъ на сцену, не смотря на запрещеніе цензуры, главнымъ образомъ именно благодаря предстательству объ этой пьесѣ передъ Государемъ

со стороны Жуковскаго; даже, живя заграницей, онъ слѣдилъ за литературнымъ поприщемъ Гоголя, обсуждая съ нимъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ и откликаясь на нихъ своимъ словомъ послѣ появленія этой книги въ печати. Разумѣется, всего этого Гоголь со своей стороны не могъ предоставить Жуковскому, и въ этомъ смыслѣ ихъ отношенія, на протяженіи всего времени, носятъ такой характеръ, что Жуковскому принадлежала въ нихъ болѣе активная роль, а Гоголю — болѣе пассивная, хотя, быть можетъ, въ субъективномъ смыслѣ активная роль, при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, скорѣе могла бы достаться именно Гоголю, при его большей сосредоточенности, глубинѣ самоанализа и поэтическомъ талантѣ.

Говоря о разницѣ взаимнаго положенія относительно другъ друга Гоголя и Жуковскаго, я имѣлъ въ виду пояснить характеръ той неодинаковой роли обоихъ писателей, которая вытекала нагляднымъ образомъ изъ представленнаго фактическаго разсказа ихъ отношеній между собою. Но, рядомъ съ этимъ, конечно, было въ нихъ кое-что и общее, явившееся подкладкой и извѣстнымъ оправданіемъ сложившихся позднѣе тѣсныхъ отношеній. Почвой этой, главнымъ образомъ, была преданность ихъ обоихъ литературѣ и вообще то, что прежде всего были они именно писатели. Въ частности, не смотря на явное различіе характера литературныхъ заслугъ и значенія великаго изобразителя пошлости и другихъ отрицательныхъ явленій въ русской жизни съ одной стороны и идеалиста-романтика съ другой, въ талантѣ Жуковскаго были черты того юмора, который у Гоголя явился основнымъ тономъ его поэтическаго творчества; но юморъ Жуковскаго не получилъ развитія, въ виду совершенно чуждыхъ ему литературныхъ вліяній и преобладавшаго надъ нимъ возвышеннаго настроенія въ его поэтическихъ трудахъ; разумѣется, это былъ юморъ т. ск. примитивный, непосредственный, очень близкій къ обычной веселости здороваго человѣка; онъ выразился у Жуковскаго

въ его литературныхъ „шалостяхъ“ въ періодъ „Арзамаса“, забавно-юмористическіе протоколы котораго и разныя другія затѣи того-же характера были главнымъ образомъ дѣломъ Жуковскаго, также въ его сказкахъ, въ переводной „Войнѣ мышей и лягушекъ“ и въ нѣкоторыхъ письмахъ къ друзьямъ, напр. къ А. О. Смирновой, Д. В. Дашкову, И. И. Козлову или неизвѣстному лицу (Соч., изд. 7, т. VI. 653—656). Конечно, нѣтъ нужды говорить, что отъ этого юмора еще очень далеко до осмѣянія и обличенія широкихъ общественныхъ недостатковъ, но не надо забывать, что эти послѣднія качества и Гоголемъ пріобрѣтены были не сразу, хотя, конечно, у Жуковскаго отсутствовали многія другія данныя, которыя, даже при иныхъ условіяхъ, могли бы поставить его на литературную колею, избранную для себя Гоголемъ. Замѣчательно, что эту черту веселой шутливости Жуковскій сохранилъ и въ старости, и въ болѣзняхъ, тогда какъ Гоголь къ концу жизни все болѣе и болѣе ее утрачивалъ. Это замѣчается, между прочимъ, и на ихъ взаимной перепискѣ: письма Жуковскаго, особенно въ первую половину ихъ дружескихъ связей, отличаются бодростью, веселымъ тономъ и простотой, а письма Гоголя серьезны и иногда раздражительно-напряженны. Юморъ свой Жуковскій пускалъ въ оборотъ жизни и иногда литературы какъ веселую забаву, какъ игру ума и воображенія, для безобиднаго наслажденія самому и другимъ, тогда какъ юморъ Гоголя; сдѣлавшійся серьезнымъ и могучимъ орудіемъ его литературнаго выраженія, нервомъ его обличительнаго негодованія и спутникомъ его горькаго душевнаго идеализма, былъ для него забавой развѣ лишь въ пору юности, а затѣмъ получилъ совершенно другое назначеніе и подъ конецъ исчезъ при формированіи въ немъ новыхъ воззрѣній на свое поэтическое призваніе.

Приблизительно то же можно сказать и о религіозномъ мистицизмѣ Гоголя и Жуковскаго. Задатки его лежали, безспорно, у обоихъ изъ нихъ въ натурѣ, но выраженіе

свое получили они у того и другого уже въ позднѣйшую эпоху ихъ жизни. Однако тутъ опять-таки, рядомъ съ основнымъ фактомъ сходства, находимъ и существенное различіе. Религіозный мистицизмъ Жуковскаго былъ свѣтлымъ и радостнымъ, наполнявшимъ его душу тѣмъ душевнымъ удовлетвореніемъ, при которомъ онъ смирялся передъ волей Провидѣнія, любовно смотрѣлъ на здѣшнюю жизнь и спокойно ожидалъ перехода за ея предѣлы; мистицизмъ его былъ тѣсно связанъ съ глубокимъ идеализмомъ и оптимистической вѣрой въ лучшее будущее; онъ приводилъ въ воззрѣніяхъ Жуковскаго всѣ элементы духовной жизни человѣка къ тому единому началу, которое обезпечивало сущность, смыслъ и гармонію земного и небеснаго существованія. Между тѣмъ, мистицизмъ Гоголя, явившійся у него не результатомъ естественнаго развитія первоначальныхъ элементовъ юношескаго міровоззрѣнія, какъ у Жуковскаго, а скорѣе тяжелымъ нравственнымъ переломомъ, хотя и на основѣ уже лежавшихъ въ природѣ его задатковъ, былъ мрачнымъ, тревожнымъ и напряженнымъ; это былъ трагическій мистицизмъ аскета, отрѣшившагося отъ жизни и въ то же время привязаннаго къ ней всѣми нитями своего существованія; въ его воззрѣніяхъ лежала, какъ и у Жуковскаго, вѣра въ конечное руководительство Провидѣнія судьбою человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра эта осложнялась страхомъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ; къ этому присоединялась страстная потребность въ самобичеваніи и самообличеніи. Для характеристики разницы въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Гоголя и Жуковскаго вообще, весьма цѣннымъ представляется разногласіе, возникшее между ними въ вопросѣ о молитвѣ. Въ „предисловіи“ къ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголь, передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, проситъ всѣхъ за него молиться: „Прошу молитвы какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была

безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самою безсильной и черствою ихъ молитвой". Жуковскій на это ему возражалъ: „Ты просишь отъ нихъ (т. е. отъ тѣхъ, которые бы молились не вѣруя вовсе въ молитву) невозможнаго, того, что имъ вовсе чуждо, чего они ни имѣть, ни дать не могутъ, чего даже отъ нихъ и просить не должно, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ бы они его дали, если бы дать могли, оно не можетъ быть никѣмъ желаемо и не принесетъ желающему никакой пользы. Можетъ ли быть молитва безъ вѣры въ молитву? И для кого можетъ быть дѣйствительна подобная молитва? Что же хотѣлъ ты сказать? Не понимаю. Молитва не можетъ существовать безъ молящагося; она тогда только получаетъ жизнь, когда слова, ее выражающія, выражаютъ въ то же время и душу ихъ произносящаго: тогда совершается таинство смиренія передъ Богомъ въ душѣ человѣческой, таинство для насъ неисповѣдимое, таинство, силою котораго Всемогущій, всякое добро творящій по одной своей мудрости и благости, такъ сказать покоряется бѣдному слову человѣка. Въ чемъ же это таинство, въ чемъ его сила? Въ вѣрѣ, приводящей въ движеніе горы; въ смиреніи, предающемъ насъ безъизъятно въ сильную десницу Бога" [1]).

Въ этомъ разногласіи по основному вопросу религіознаго вѣрованія, самымъ яснымъ образомъ выразился суровый, требовательный и какъ бы формальный взглядъ Гоголя на молитву, рядомъ со свободнымъ и глубокимъ воззрѣніемъ Жуковскаго.

Съ другой стороны, въ поэтической душѣ Гоголя жилъ, особенно въ первую половину его литературнаго пути, тотъ возвышенный романтизмъ, который лежалъ въ основѣ всей жизни и поэтическаго міросозерцанія Жуковскаго [1]).

---

1) Соч., изд. 8, т. VI. 84—85.

2) М. Г. Халанскій. Н. В. Гоголь какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности. „Мирный Трудъ" 1902, № 2, стр. 93—99.

Скажемъ еще два слова о взаимномъ отношеніи другъ къ другу Гоголя и Жуковскаго какъ писателей. Намъ уже приходилось указывать на то вниманіе, съ которымъ постоянно относился Жуковскій къ литературнымъ успѣхамъ Гоголя, но мы затруднились бы категорически утверждать, что Жуковскій понималъ въ полной мѣрѣ все значеніе его, какъ геніальнаго изобразителя отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности, какъ, быть можетъ, онъ не представлялъ себѣ во всемъ объемѣ и великаго историческаго смысла дѣятельности Пушкина; поэтому, намъ кажется не лишеннымъ извѣстнаго основанія замѣчаніе С. Т. Аксакова, что хотя Жуковскій „восхищался талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты“ и придавать имъ выпуклость, внутреннее значеніе и жизнь, однако „серьезнаго значенія“ дѣятельности Гоголя онъ не придавалъ и „не понималъ Гоголя вполнѣ“ [1]). Но нѣкоторымъ оправданіемъ Жуковскому въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что онъ покинулъ Россію и непосредственное наблюденіе надъ ея жизнью именно въ тотъ моментъ, когда и въ средѣ лучшихъ представителей русской критики того времени дѣятельность Гоголя только что начинала получать надлежащее освѣщеніе и оцѣнку; да и вообще должно замѣтить, что литературная дѣятельность Гоголя, вплоть до изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, принадлежитъ именно къ числу такихъ, полная историческая цѣнность которыхъ выступаетъ только съ теченіемъ времени.

Для Гоголя оцѣнить дѣятельность Жуковскаго было гораздо легче не только потому, что Жуковскій былъ значительно старше его и, какъ писатель, при выступленіи Гоголя на литературное поприще, имѣлъ уже довольно опредѣленное мѣсто въ литературѣ, но и потому, что самая дѣятельность

---

1) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 28.

Жуковскаго не заключала въ себѣ такихъ новыхъ элементовъ, для полнаго уясненія и оцѣнки которыхъ необходимъ былъ значительный промежутокъ времени.

Жуковскаго, какъ поэта, Гоголь ставилъ высоко и охотно читалъ его преизведенія. Особенно значительнымъ представлялся ему Жуковскій, конечно, какъ переводчикъ, и въ этомъ отношеніи онъ предсказывалъ ему даже „значеніе всемірное.“ Вообще, главной и отличительной чертой Жуковскаго, какъ поэта, Гоголь считалъ изящную поэтизацію чужихъ сюжетовъ, но вполнѣ себѣ присвоенныхъ, т. е. претворенныхъ черезъ собственное поэтическое сознаніе и облеченныхъ въ художественный русскій стихъ: „Передъ другими нашими поэтами — говоритъ Гоголь въ статьѣ „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность“ — Жуковскій то же, что ювелиръ передъ прочими мастерами, то есть мастеръ, занимающійся послѣднею отдѣлкою дѣла. Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ — его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполнѣ свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только изъ русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами“; въ этой же статьѣ Гоголь припоминаетъ, что Пушкина изумляло „тонкое критическое чутье“ Жуковскаго; о стихѣ его онъ говоритъ: „этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій какъ неясный звукъ эоловой арфы“ [1]). Но особенное сочувствіе Гоголя вызвалъ переводъ „Одиссеи“, выполненный Жуковскимъ, этимъ — по выраженію Гоголя — „патріархомъ нашей поэзіи,“ уже въ старости [2]). Высоко цѣня эстетическій вкусъ

1) Сочиненія, изд. 10, т. IV. 177—180. 210.
2) Тамъ же, т. IV. 26—34. 76—77.

Жуковскаго, Гоголь охотно ссылался на него какъ на авторитетъ, напр. при оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Н. М. Языкова [1]), въ которой Жуковскій былъ первоначально несогласенъ съ Гоголемъ, и самъ печатно заявлялъ свою благодарность Жуковскому за строгія и справедливыя указанія на его, Гоголя, литературные промахи [2]).

Таковы были, въ общихъ чертахъ, взаимныя отношенія Гоголя и Жуковскаго, объединенныхъ, при всѣхъ ихъ личныхъ особенностяхъ, тѣмъ высокимъ, хотя и неодинаковымъ, положеніемъ, которое каждый изъ нихъ занимаетъ въ исторіи нашей литературы.

---

1) Сочиненія, изд. 10, т. IV. 71—72. 192.
2) Тамъ же, т. IV. 39.

В. А. Жуковскій въ Дерптѣ.

(1815—1817).

I.

Начало отношеній Жуковскаго къ М. А. Протасовой. — Любовь и мысль о женитьбѣ. — А. Ѳ. Воейковъ; сборы и переѣздъ Жуковскаго въ Дерптъ. — Потеря надежды на счастіе. — Мысль покинуть Дерптъ и переселиться на родину.

Пребываніе Жуковскаго въ Дерптѣ, нынѣшнемъ Юрьевѣ, составляетъ одну изъ существенныхъ частей его біографіи; тутъ произошли съ нимъ событія, имѣвшія глубокое вліяніе на весь ходъ его послѣдующей жизни.

По особеннымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ Аѳ. Ив. Бунина, Жуковскій, какъ извѣстно, провелъ дѣтскіе и отчасти юношескіе свои годы въ сельской и провинціальной обстановкѣ, среди многочисленныхъ членовъ семьи, формально чужой, но родственной ему по кровнымъ узамъ и по взаимной душевной пріязни. Особенно сблизился онъ съ двумя своими племянницами, Марьей Андреевной и Александрой Андреевной Протасовыми, дочерьми Екатерины Аѳанасьевны, родной дочери Аѳ. Ив. Бунина, отца Жуковскаго. Будучи на 13 лѣтъ моложе Екатерины Аѳанасьевны, онъ всегда видѣлъ въ ней скорѣе тетку, нежели сестру, а племянницъ считалъ почти сестрами, съ которыми соединяла его не только долговременная совмѣстная жизнь, но и болѣе серьезныя узы:

въ 1805 году, когда Марьѣ Андреевнѣ было 12 лѣтъ, а Александрѣ Андреевнѣ 10, Жуковскій вызвался, въ виду затруднительнаго матеріальнаго положенія Екатерины Аѳанасьевны послѣ смерти мужа, обучать ея дочерей, для чего они и поселились въ скромномъ наемномъ домикѣ въ Бѣлевѣ. Здѣсь Жуковскій, уже отчасти извѣстный тогда въ литературѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ велъ со своими ученицами систематическія, преимущественно литературныя, занятія, увлекаясь вмѣстѣ съ ними чтеніемъ Державина, Шиллера и Гёте, Шекспира, Расина, Вольтера и Буало, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно продолжалъ участвовать въ текущей литературѣ и поддерживать перепиской литературныя знакомства съ обѣими столицами, особенно съ Москвой. Едва ли можно сомнѣваться, что именно въ эти годы (1805—1808) совмѣстныхъ литературныхъ занятій образовалась и окрѣпла у Жуковскаго та глубокая привязанность его къ старшей изъ своихъ ученицъ, Марьѣ Андреевнѣ, которая сыграла столь видную роль во всей послѣдующей его жизни; не менѣе вѣроятнымъ представляется также то, что и Марья Андреевна, въ свою очередь сильно полюбившая Жуковскаго, оказала немалое вліяніе на своего учителя своей глубоко-нѣжной, женственной и воспріимчивой душой, развивая въ немъ положенные природой зачатки мечтательности и романтизма.

Въ 1808 году въ отношеніяхъ Жуковскаго къ М. А. Протасовой наступаетъ перерывъ, такъ какъ Жуковскій въ этомъ году переселяется въ Москву и принимаетъ на себя редакцію „Вѣстника Европы“, основаннаго Карамзинымъ и бывшаго передъ тѣмъ въ рукахъ профессора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго. Самъ Жуковскій въ продолженіе двухъ лѣтъ своего редакторства помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ много своихъ стихотворныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) и прозаическихъ трудовъ, въ которыхъ иногда проскальзывали воспоминанія о покинутой имъ деревенской жизни: таково, между прочимъ, и разсужденіе

„Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“ [1]), гдѣ нарисованный авторомъ идеалъ семейной жизни носитъ на себѣ слѣды недавней жизни Жуковскаго въ семьѣ Е. А. Протасовой, которая въ это время переселилась изъ Бѣлева въ свою деревню Муратово. Вернувшись, послѣ двухлѣтней журнальной дѣятельности, на родину въ 1810 году, Жуковскій задумалъ устроить себѣ собственный уголъ и для этого купилъ, на доставшіяся ему отъ Буниныхъ деньги, сосѣднюю съ Муратовымъ деревню, — и вотъ тутъ опять начинаются у Жуковскаго близкія сношенія со своими бывшими ученицами, изъ которыхъ Марьѣ Андреевнѣ было въ эту пору уже 17 лѣтъ. По свидѣтельству одного изъ ближайшихъ друзей Жуковскаго [2]), у него тутъ впервые возникла мысль о женитьбѣ на Марьѣ Андреевнѣ; но мысль эту онъ хранилъ пока отъ самой избранницы своего сердца, по временамъ давая исходъ своему чувству въ неопредѣленныхъ поэтическихъ намекахъ и изображеніяхъ въ посланіяхъ къ друзьямъ; къ самой Марьѣ Андреевнѣ обращено было въ это время глубокое по выраженному въ немъ чувству, но съ внѣшней стороны не обработанное стихотвореніе „Къ ней“ (1810), найденное, по смерти Марьи Андреевны, въ ея портфелѣ:

Еслибъ сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный,
Въ сердцѣ, какъ тайну, ношу.

---

1) В. Е., 1808 г., ч. XXXIX, стр. 220.

2) Зейдлицъ, К. К. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, стр. 45.

Я могу лишь любить;
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна [1]).

Въ 1812 году [2]) однако же, безъ сомнѣнія увѣренный въ чувствѣ къ себѣ Марьи Андреевны, Жуковскій рѣшился поговорить о возможности своей женитьбы на ней съ ея матерью, но та отнеслась къ этой мысли совершенно отрицательно, видя въ такомъ бракѣ грѣхъ, въ виду кровныхъ родственныхъ связей Марьи Андреевны съ Жуковскимъ; и никакія просьбы и убѣжденія, шедшія отъ разныхъ членовъ семьи, сочувствовавшихъ Жуковскому, никакія авторитетныя указанія, шедшія отъ гражданской и духовной власти, на то, что никакого грѣха въ этомъ нѣтъ, не могли поколебать Екатерины Аѳанасьевны; назвать своей женой Марью Андреевну Жуковскому не пришлось никогда, и такимъ образомъ тотъ семейный идеалъ, который былъ впервые составленъ Жуковскимъ въ своемъ воображеніи и съ мукой выношенъ въ сердцѣ, остался для него навсегда недостижимымъ.

Такъ какъ Жуковскій послѣ перваго разговора съ Екатериной Аѳанасьевной все-таки, естественно, не покидалъ надежды, то она принудила его оставить Муратово, и Жуковскій, въ самомъ тяжеломъ состояніи духа, не находя другого исхода, поступилъ въ августѣ 1812 года въ московское ополченіе и сопровождалъ нѣкоторое время русскую армію въ достопамятную отечественную войну; этому періоду жизни Жуковскаго мы обязаны, какъ извѣстно, нѣкоторыми

---

1) Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изд. 8, т. I, стр. 204—205.

2) О годѣ сватовства Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ см. соображенія Н. С. Тихонравова, къ которымъ мы впрочемъ не находимъ возможнымъ присоединиться, въ его рецензіи на сочиненіе П. Загарина, въ „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова“, т. III, ч. 1. (М. 1898), стр. 491—493.

его патріотическими стихотвореніями, между прочимъ и „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ (1812), въ которомъ нашлось мѣсто и для возлюбленной его „Маши“:

Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья! [1]).

Но, послѣ серьезной болѣзни, перенесенной Жуковскимъ въ походѣ еще до границы, мы видимъ его возвратившимся снова, въ началѣ 1813 года, подъ домашній кровъ — вѣроятно, по соглашенію съ Екатериной Аѳанасьевной никогда не заводить уже больше рѣчи о бракѣ съ Марьей Андреевной. При такихъ условіяхъ пребываніе Жуковскаго вблизи послѣдней должно было быть для него особенно тягостно, и, дѣйствительно, отраженіе такого его душевнаго состоянія находимъ мы въ сохранившейся части его дневника, писанной въ ночь съ 25 на 26 февраля 1813 года въ Муратовѣ. Отрывокъ этотъ писанъ Жуковскимъ, какъ видно изъ его начала, передъ говѣньемъ и имѣетъ характеръ какъ-бы исповѣди передъ самимъ собой, передъ собственной совѣстью, въ виду чего эта часть дневника получаетъ особое автобіографическое значеніе. Тутъ Жуковскій пытается взглянуть на себя въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, но этотъ взглядъ вращается главнымъ образомъ вокругъ вопроса о недостижимомъ счастіи съ Марьей Андреевной.

„Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ — пишетъ Жуковскій — а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо.

1) Сочиненія, т. I, стр. 276.

Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастіе сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать [1]) дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастія для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной. . .“ Причина этому — одна, именно желаніе получить руку Марьи Андреевны, нашедшее себѣ противодѣйствіе въ ея матери. „Но — продолжаетъ Жуковскій — эта *одна причина*. . . долженъ ли ее стыдиться? Могу ли себя упрекать? О нѣтъ, я теперь сужу себя безпристрастно! Совѣсть моя спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни непозволеннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня; исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастіе, это, къ несчастію, зависитъ не отъ меня, а отъ другихъ; но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе, что я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни — не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Останется дожить какъ-нибудь положенный срокъ, который, вѣроятно, будетъ и не дологъ. Жаль жизни — такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называютъ жизнію — того совсѣмъ не жаль, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, Жуковскій спрашиваетъ себя: „что же въ настоящемъ?“ и отвѣчаетъ: „все еще одна надежда“, въ силу которой у него „пробуждаются лучшія чувства и какая-то живая, сладостная вѣра, необходимость любить Провидѣніё и на него

1) Рѣчь идетъ объ Е. А. Протасовой.

полагаться". Наконецъ, — будущее. „Но будущее! — говоритъ Жуковскій — оно пугаетъ меня неизвѣстностью. Я могу здѣсь дать себѣ отчетъ только въ однихъ намѣреніяхъ; ихъ исполненіе не въ моей власти. . . Какія мои намѣренія? Имѣть драгоцѣннѣйшія связи; ихъ сохраненію посвятить свою жизнь; спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность мнѣ свойственная, самая религія — все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! . . . Самъ бросить своего счастія не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ; тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты" [1]).

Въ концѣ 1813 года въ кругу обитателей Муратова появилось новое лицо — А. Ѳ. Воейковъ, довольно извѣстный въ то время литераторъ и знакомецъ Жуковскаго, который свелъ его и съ семействомъ Протасовыхъ. Этотъ весьма хитрый и ловкій, но по нравственнымъ своимъ качествамъ не вполнѣ безупречный человѣкъ скоро вошелъ въ довѣріе какъ къ самому Жуковскому, такъ и къ окружавшей его семьѣ; онъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ, скоро пріобрѣтеннымъ положеніемъ, чтобы посвататься за младшую Протасову, Александру Андреевну, получилъ согласіе на это дочери и матери и, благодаря, между прочимъ, матеріальной помощи Жуковскаго, свадьба эта состоялась 14 іюля 1814 года. Въ томъ же году Воейковъ назначенъ былъ профессоромъ русскаго языка и литературы въ Дерптскій университетъ, и вмѣстѣ съ нимъ и его женой въ Дерптъ переѣхали Екатерина Аѳанасьевна и Марья Андреевна Протасовы. За ними, влекомый чувствомъ привязанности къ Марьѣ Андреевнѣ и не покидавшей его надеждой на благопріятный исходъ дѣла, рѣшился переѣхать въ Дерптъ и Жуковскій.

---

1) Вас. Андр. Жуковскій въ его письмахъ. Сообщ. д-ръ К. К. Зейдлицъ и проф. П. А. Висковатовъ. Русская Старина 1883, № 1, стр. 209—212.

Собираясь въ этотъ далекій путь, Жуковскій переживалъ однако же тяжелое душевное состояніе, такъ какъ къ его надеждѣ примѣшивалась по временамъ большая доля сомнѣнія, да и Екатерина Аѳанасьевна смотрѣла на этотъ переѣздъ Ж-го не вполнѣ благосклонно. Вотъ что пишетъ онъ объ въ этомъ письмахъ къ А. И. Тургеневу: „Отъ дерптской жизни не жду ни счастія, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. . .[1]) Тамъ (т. е. въ Дерптѣ) уже точно не будетъ ни въ чемъ отрады, кромѣ одной мысли, что *я съ нею*, что намъ одна судьба, и что я долженъ и могу эту судьбу считать какъ за испытаніе, какъ за средство быть лучшимъ. Такая мысль въ иныя минуты ободряетъ. Но часто душа разорвана въ клочки, и рвутъ ее съ такой холодностью, которая меня иногда выводитъ изъ себя[2]). Ты можешь понять, что я несчастливъ — и самымъ убійственнымъ образомъ. . . Можетъ быть, дерптская жизнь моя будетъ лучше, нежели какъ я себѣ ее представляю; но если она будетъ такова, какою мнѣ видится въ иныя минуты, то и я, и Маша пропадемъ. Прощай тогда и талантъ, и слава! Хорошо, когда бы можно сказать безъ неблагодарности: прощай и жизнь!“[3]). При такомъ настроеніи естественно, что надежды Ж—го представляются ему „химерою сумасшедшаго“, которую онъ, въ одномъ своемъ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской (урожд. Юшковой, которая, живя вмѣстѣ со своей сестрой Анной Петровной, въ замужествѣ Зонтагъ, въ Долбинѣ, приходи-

---

1) Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу. Изд. „Русскаго Архива“, съ примѣчаніями И. А. Бычкова. М. 1895, стр. 133 (отъ 1 дек. 1814 года, изъ Долбина).

2) Тутъ имѣются въ виду отношенія къ нему Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, характеристику дѣйствій которой относительно Жуковскаго см. въ одномъ письмѣ его къ А. П. Кирѣевской: Русская Старина 1883, № 2, стр. 435.

3) Стр. 138—139, 140 (отъ 1 февр. 1815, изъ Москвы).

лась по крови племянницей Ж—му со стороны ихъ матери Варвары Аѳанасьевны Буниной, въ замужествѣ Юшковой), отъ 16 апр. 1814 года изъ Муратова, олицетворяетъ въ образѣ своего „спутника“, ведущаго съ нимъ „грустный разговоръ“ [1]). Въ другомъ письмѣ къ этому же своему другу и доброжелательницѣ Ж. говоритъ о себѣ такъ: „Теперешнее мое бытіе для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи *прелестный край гудесъ*“. На утѣшеніе въ горѣ поэзіей онъ отвѣчаетъ такъ: „Поэзія и счастье одно и тоже! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсѣять себя усталостію! Не писать стихи — для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслію сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни!“ [2]).

И вотъ въ эти минуты отчаянія въ вѣрующей душѣ Ж—го возникаетъ и укрѣпляется мысль, что это несчастіе послано ему Провидѣніемъ какъ средство нравственнаго очищенія и возвышенія [3]); онъ смотритъ на него все болѣе и болѣе со стороны самопожертвованія въ пользу Маши, спокойствіе которой для него составляетъ такую драгоцѣнность, что онъ готовъ отдать за него даже ея къ нему привязанность [4]); эта послѣдняя мысль, выраженная Ж—скимъ весьма настойчиво и много разъ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, была осуществлена имъ на дѣлѣ.

Но чтобы видѣть, какой цѣною пріобрѣлъ Ж. согласіе Екатерины Аѳанасьевны на поѣздку его вмѣстѣ съ ними въ

---

1) Русская Старина 1883, № 2, стр. 432—433.

2) Тамъ же, стр. 438, 442. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 133.

3) Русская Старина 1883, № 2, стр. 453.

4) Тамъ же, стр. 452.

Дерптъ, довольно привести одно мѣсто изъ его письма къ Марьѣ Андреевнѣ, писанное имъ весною 1815 года въ Муратовѣ, передъ отъѣздомъ [1]): „Намъ надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились. Дѣло идетъ не о томъ только, чтобы быть вмѣстѣ, но и о томъ, чтобы этого стоить; слѣдовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными. . . Сказавъ ей (т. е. Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ), что я ей братъ [2]), мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, не для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ. . . Теперь, когда все, и самое чувство, пожертвовано, когда оно перемѣнилось въ другое, лучшее и нѣжнѣйшее, насъ съ нею ничто не будетъ рознить. Но, милый другъ, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была въ этомъ мнѣ и примѣромъ и подпорою. . . Чего я желалъ? Быть счастливымъ *съ тобою*! Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою*! Право, для меня все равно *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себѣ за правило все ограничить одной собою; повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго, и отъ этого она живѣе и лучше. . . Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастіи. Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать? Все

---

1) Можно думать, что письменную форму обращенія къ лицу, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ, устной предпочелъ Ж. не только потому, что онъ вообще склоненъ былъ прибѣгать къ письму въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, но и потому еще, что Е. А. Протасова, подозрительно и недовѣрчиво смотрѣвшая на отношенія дочери къ Жуковскому, затрудняла имъ способы личныхъ сношеній.

2) Т. е., что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается отъ мысли жениться на Марьѣ Андреевнѣ.

пойдетъ изъ сердца и все будетъ понятно для добрыхъ!“ [1]) Т. о., очевидно, продолженіе жизни вмѣстѣ соединено было съ обоюднымъ условіемъ (потребованнымъ Екатериной Аѳанасьевной) — похоронить прежнія чувства и замѣнить ихъ отношеніями Ж—го къ Марьѣ Андреевнѣ какъ отца къ дочери.

Къ жизни въ Дерптѣ готовился Жуковскій весьма серьезно и набросалъ даже краткій планъ совмѣстной своей съ Протасовыми и Воейковыми дерптской жизни, въ которомъ предусматривалъ и продолженіе своихъ прежнихъ педагогическихъ трудовъ съ племянницами, и разныя матеріальныя заботы, и свои собственныя занятія литературой. О желаемой нравственной сторонѣ дерптской жизни Ж., между прочимъ, такъ писалъ въ своемъ „планѣ“: „Наша цѣль — общее счастіе. Думая о себѣ — думать о другихъ. Свое собственное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастію кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало. Въ чемъ состоитъ это общее счастіе? Въ семейственномъ спокойствіи, т. е. чтобы у насъ въ семьѣ все было весело; чтобы въ ней была полезная дѣятельность, чтобъ не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ“ [2]).

Переѣздъ въ Дерптъ Жуковскаго съ Воейковыми предположенъ былъ зимою 1814—1815 года [3]) черезъ Москву и даже Петербургъ [4]), но дѣло нѣсколько затянулось [5]); въ

---

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 666—667. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 126.

2) Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Иваномъ Бычковымъ. Спб. 1887, стр. 7—8.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127.

4) Тамъ же, стр. 135.

5) Жуковскій принималъ самое дѣятельное участіе въ планахъ устройства будущей дерптской жизни родной ему семьи, о чемъ свидѣтельствуютъ черновыя его тетради 1814 года: Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 7.

Москвѣ было рѣшено, что Воейковы поѣдутъ въ Дерптъ впередъ въ концѣ января 1815 года, а самъ Жуковскій остался еще на нѣкоторое время въ Москвѣ, откуда выѣхалъ въ началѣ марта — но уже прямо въ Дерптъ, не заѣзжая въ Петербургъ: „не заѣду въ Петербургъ теперь оттого — пишетъ онъ А. И. Тургеневу — что хочу скорѣе ихъ (т. е. Воейковыхъ и Протасовыхъ) увидѣть и узнать, каково они доѣхали“ [1]). Пріѣхалъ онъ въ Дерптъ въ мартѣ 1815 года, и думалъ тутъ, въ новой обстановкѣ, заняться прежде всего такими литературными трудами, которые требовали книжныхъ справокъ и разысканій; на первомъ планѣ стояло изданіе сочиненій М. Н. Муравьева и поэма „Владиміръ“ [2]).

Но въ Дерптѣ Жуковскаго ожидало жестокое душевное испытаніе въ той самой семьѣ, къ которой онъ такъ неудержимо стремился. Онъ, несомнѣнно, надѣялся на долгое пребываніе въ Дерптѣ, вблизи Марьи Андреевны, на что даже съ точки зрѣнія ея матери, думалъ онъ, онъ имѣетъ полное нравственное право, отказавшись отъ мысли о личномъ счастіи и поставивъ себя относительно Марьи Андреевны въ положеніе отца. Однако Екатерина Аѳанасьевна не вѣрила искренности Жуковскаго, и вскорѣ по по пріѣздѣ его въ Дерптъ выразила желаніе, чтобы онъ ихъ оставилъ. Объ этомъ печальномъ для себя оборотѣ дѣла и сопряженномъ съ нимъ душевномъ состояніи Жуковскій говоритъ въ письмѣ къ Марьѣ Андреевнѣ, съ которой, живя въ одномъ домѣ (у Воейкова), принужденъ былъ переписываться, какъ въ Муратовѣ, такъ какъ личныя его сношенія съ Марьей Андреевной были, очевидно, стѣснены. „Осмотрѣвшись въ Дерптѣ — пишетъ онъ ей вскорѣ по пріѣздѣ въ Дерптъ — я увѣренъ, что здѣсь

1) Письма, стр. 139.
2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127, 143.

работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать — никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день, и при всемъ этомъ первое, единственное мое счастіе — семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, *къ моей сестрѣ*! — Что же въ отвѣтъ? Разстаться! Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости, а для сохраненія твоей и ея репутаціи! Милая, эта послѣдняя причина должна бы удержать ее еще въ Муратовѣ... Нѣтъ! Эта причина не справедливая! или должно было меня еще остановить въ Москвѣ! И теперь, въ ту самую минуту, когда я только думалъ начать жить прекраснѣйшимъ образомъ, все для меня разрушено. Я не раскаиваюсь въ своемъ пожертвованіи — можно ли раскаяться когда-нибудь въ томъ, что возвышаетъ душу! Но я надѣялся имъ заплатить за счастіе, и я былъ бы истинно счастливъ, если бы она только этого захотѣла, если бы она прямо мнѣ повѣрила, если бы поняла, какъ чисто и свято то чувство, которымъ я былъ наполненъ!" [1]). Еще подробнѣе и обстоятельнѣе разсказываетъ объ этомъ Жуковскій въ письмѣ изъ Петербурга, куда онъ вскорѣ уѣхалъ, отъ 12 мая 1815 года, къ А. П. Кирѣевской. Изъ него оказывается, что еще до пріѣзда Жуковскаго въ Дерптъ черезъ этотъ городъ проѣзжалъ какой-то генералъ Красовскій, и Екатерина Аѳанасьевна подала ему относительно Марьи Андреевны большія надежды. Считая себя относительно послѣдней въ положеніи отца, Жуковскій рѣшился говорить объ ея участи съ матерью. Сначала его приняли холодно и даже оскорбительно; онъ обратился тогда къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ съ письмомъ, которое возымѣло свое дѣйствіе, но не на долго: „между тѣмъ старая принужденность оставалась; брата боялись, и братъ, чтобы сказать Машѣ то, что могъ бы онъ ей говорить вслухъ передъ

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 669—670.

цѣлымъ свѣтомъ, долженъ былъ потихоньку съ нею переписываться!... Итакъ, чтобы не потерять къ себѣ уваженія, я долженъ былъ уѣхать!" [1]).

А между тѣмъ А. И. Тургеневъ звалъ Жуковскаго въ Петербургъ, хлопоча о выгодномъ тамъ для него мѣстѣ. По поводу этихъ хлопотъ Жуковскій, еще на пути въ Дерптъ изъ Москвы (4 февраля 1815), писалъ Тургеневу: „Братъ, не забывай, ради Бога, что мнѣ ни мѣсто, ни жалованье не могутъ быть нужны. Мое мѣсто знаешь гдѣ [2]), и все возможное счастіе тамъ же... Мнѣ этого счастія ничто никогда замѣнить не можетъ" [3]). Но затѣмъ, пробывъ лишь нѣсколько дней въ Дерптѣ (очевидно, послѣ объясненія съ Екатериной Аѳанасьевной), онъ пишетъ уже Тургеневу, отъ 1 апрѣля 1815 г. изъ Дерпта: „Можетъ быть, намъ опредѣлено съ тобою жить *неразлучно*", а потомъ въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 апрѣля 1815 г.): „Я, можетъ быть, скорѣе буду (въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ). Судьба жметъ меня въ комокъ, потомъ разожметъ, потомъ опять скомкаетъ. Видно, что только близъ одного тебя мнѣ совсѣмъ раскомкаться... Если можно имѣть хотя немного независимости (въ Петербургѣ), то остаюсь съ тобою, твой товарищъ на жизнь" [4]). И дѣйствительно, въ апрѣлѣ же 1815 года, т. е. едва проведя мѣсяцъ въ Дерптѣ, Жуковскій является въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Дерпта, Жуковскій повидимому не зналъ, вернется ли онъ еще въ покидаемую имъ семью или нѣтъ. Въ прощальномъ письмѣ къ Марьѣ Андреевнѣ онъ писалъ (29 марта 1815 г.): „Милый другъ, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя много остается утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ — твоя смирная покорность Провидѣнію.

---

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 675—677.
2) Т. е. возлѣ Марьи Андреевны.
3) Письма, стр. 141.
4) Тамъ же, стр. 144, 146.

Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ". Оставляя ей для чтенія Фенелона и обѣщаясь прислать Массильона, Жуковскій видѣлъ въ этомъ чтеніи для нея „не занятіе, а жизнь и усовершенствованіе сердца и мыслей". „Пусть это чтеніе напоминаетъ тебѣ обо мнѣ, о человѣкѣ, который желалъ быть твоимъ товарищемъ во всемъ добромъ. Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою — опытъ самый благодѣтельный на всю жизнь; онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои должности. Пропади оно — я все потеряю. Я сохраню его какъ свою лучшую драгоцѣнность. Я ввѣряю себя этому воспоминанію и, право, не боюсь будущаго". Но какая борьба происходила въ это время въ душѣ Жуковскаго, несмотря на спокойный и увѣренный тонъ его письма, объ этомъ свидѣтельствуетъ приписка къ этому письму на другой день: „Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ" [1]). Съ такими мыслями и въ такой тяжелой внутренней борьбѣ уѣзжалъ Жуковскій въ Петербургъ. Въ столицѣ Жуковскій сразу попалъ, благодаря обилію знакомствъ, въ шумный круговоротъ жизни. „Теперь я попалъ въ кипящій свѣтъ — пишетъ онъ оттуда А. П. Кирѣевской въ Долбино, 12 мая 1815 г. — и самъ какъ въ кипяткѣ. Тьма новыхъ знакомствъ и тьма ста-

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 671—672.

рыхъ; много прекраснаго". „Вотъ я въ Петербургѣ съ совершеннымъ, беззаботнымъ невниманіемъ къ будущему — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же своему другу отъ 24 мая. — Не хочу объ немъ думать. Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — зажигать свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Такъ нечувствительно дойдешь до той границы, на которой все неизвѣстное исчезнетъ". Петербургъ приглянулся ему теперь потому, что въ немъ онъ увидалъ возможность работать — и первымъ долгомъ издать свои сочиненія и стихотворенія М. Н. Муравьева, а — „потомъ думаю перетащиться къ вамъ — на родину, въ семью" [1]). Такъ, лелѣя дорогой ему идеалъ семейной жизни, Жуковскій стремился изъ одной, отвергавшей его, семьи въ другую, откуда всегда встрѣчалъ неизмѣнное дружеское расположеніе и сочувствіе.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Жуковскій впервые былъ представленъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но вотъ 26 іюня 1815 г. у Александры Андреевны Воейковой родилась дочь Екатерина, и Жуковскій, желая быть ея крестнымъ отцомъ, снова спѣшитъ въ Дерптъ и оттуда, по пріѣздѣ, торопливо пишетъ Тургеневу: „У насъ теперь все идетъ кругомъ. Радость! Моя крестница родила мнѣ крестницу. Любо смотрѣть на счастіе матери" [2]), и при этомъ сочиняетъ стихотворное привѣтствіе новорожденной [3]). Но положеніе Жуковскаго относительно Марьи Андреевны и ея матери оставалось прежнее. „Я пріѣхалъ съ тѣмъ — пишетъ онъ къ А. П. Кирѣевской въ концѣ іюля 1815 года изъ Дерпта — чтобы, окрестивши, опять уѣхать въ Петербургъ, изъ Петербурга на родину". Здѣсь, по его

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 673, 677—678.
2) Письма, стр. 146.
3) Соч., I. 484—485.

собственнымъ словамъ, Екатерина Аѳанасьевна приняла его ласково, но эта ласка касалась лишь формы отношеній, оставивъ сущность ихъ прежней. „Я не могу быть ни доволенъ, ни счастливъ, и со всѣмъ тѣмъ, повидимому, не имѣю права ничего болѣе требовать. Съ самаго моего пріѣзда я веду жизнь занятую, т. е. сижу въ своей горницѣ за работою, а къ нимъ являюсь только на минуту по утру, за обѣдомъ да за чаемъ. . . Съ Машею мы розно по старому, по старому нѣтъ между нами ничего общаго! Непринужденной, родственной связи между ею и мною нѣтъ". Такимъ образомъ, Екатерина Аѳанасьевна питала къ Жуковскому прежнее недовѣріе, и это заставляетъ его рѣшиться поскорѣе уѣхать изъ Дерпта: „уѣхать — по крайней мѣрѣ сберечь для себя что-нибудь драгоцѣнное. Будучи съ вами, я буду гораздо менѣе розно съ Машей, нежели здѣсь, и буду имѣть право на всѣ свои чувства. . . А такъ жить, какъ жилъ прежде, какъ живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, тетушку (т. е. Екатерину Аѳанасьевну) и себя" [1]). Къ тому же, въ Петербургъ его усиленно звалъ Тургеневъ, которому Жуковскій писалъ: „Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? Развѣ я поѣхалъ сюда (въ Дерптъ) съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою. . . Не говорю уже о надеждахъ; ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны" [2]), а по поводу хлопотъ о немъ его петербургскихъ пріятелей онъ такъ говоритъ въ другомъ письмѣ къ Тургеневу: „Боюсь я этихъ grands projets. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни да и

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 96—98.
2) Письма, стр. 148.

убьютъ все. . . Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость да и только! Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, гдѣ и когда писать — мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно: вотъ главная мысль, остальное можешь придумать самъ". А что касается счастія, то — „на свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастія", прибавляетъ въ томъ же письмѣ Жуковскій [1]).

Такимъ образомъ, Жуковскій оставилъ Дерптъ, 24 августа 1815 года, снова съ твердымъ желаніемъ болѣе въ него не возвращаться и „въѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ грустнымъ холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ", какъ писалъ онъ объ этомъ А. П. Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга. Хотя по временамъ надежда на возможность счастія съ Марьей Андреевной и заходила непроизвольно въ его сердце, но онъ старался отгонять ее, несмотря на ободреніе со стороны друзей, напр. Нелединскаго, сопровождавшаго Жуковскаго при новомъ представленіи его Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ, о ласковомъ пріемѣ которой Жуковскій съ восторгомъ передаетъ въ томъ же письмѣ въ Долбино; сердечныя дѣла его съ Марьей Андреевной сдѣлались извѣстны и Императрицѣ, но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ этому средству воздѣйствія на Екатерину Аѳанасьевну, такъ какъ видѣлъ выходъ лишь въ добровольной и вполнѣ свободной перемѣнѣ ея взгляда на дѣло. Такъ какъ въ Петербургѣ относительно Жуковскаго ничего, повидимому, рѣшено не было, то въ концѣ письма онъ высказываетъ настойчивое желаніе переселиться снова на родину: „Что мнѣ нужно? Свобода, работа и маленькій достатокъ; клокъ земли подлѣ Мишенскаго

1) Письма, стр. 151.

или подлѣ Долбина, но клокъ собственный... Если разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить!" [1]).

Но тутъ оканчивается лишь первый, непродолжительный періодъ сношеній Жуковскаго съ Дерптомъ, отмѣченный для него рѣшеніемъ перемѣнить свои отношенія къ Марьѣ Андреевнѣ, оставить надежду на личное счастіе и опредѣлить въ этомъ смыслѣ болѣе нормальнымъ образомъ свои отношенія къ дорогой ему семьѣ; старанія эти, въ виду оказываемаго ему недовѣрія со стороны Екатерины Аѳанасьевы, не получили успѣха, и въ результатѣ — тяжелое душевное настроеніе и желаніе удалиться на родину, чтобы отдохнуть и работать. Между тѣмъ въ Дерптѣ совершались событія, которыя подготовляли Жуковскому новыя душевныя испытанія и тревоги, и дальнѣйшимъ результатомъ которыхъ было уже гораздо болѣе продолжительное пребываніе поэта въ Дерптѣ, прерывавшееся поѣздками его въ деревню и въ Петербургъ и составляющее второй періодъ его отношеній къ этому городу. Эти событія связаны главнымъ образомъ съ именемъ профессора Дерптскаго университета, извѣстнаго въ свое время хирурга И. Ф. Мойера, сдѣлавшагося мужемъ столь дорогой Жуковскому „Маши".

II.

Рѣшеніе М. А. Протасовой выйти замужъ за профессора И. Ф. Мойера; отношеніе къ этому Жуковскаго; данное имъ согласіе на этотъ бракъ. — Свадьба Марьи Андреевны съ Мойеромъ. — Переѣздъ Жуковскаго въ Петербургъ.

8 ноября 1815 г. Марья Андреевна писала Жуковскому: „Я у тебя прошу совѣта какъ у отца, прошу рѣшить меня

---

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 101—104.

на самый важный шагъ въ жизни. . . Я хочу выйти замужъ за Мойера. Я имѣла случай видѣть его благородство и возвышенность чувствъ и надѣюсь, что найду съ нимъ полное успокоеніе. Не закрываю я глазъ на то, чѣмъ жертвую, дѣлая этотъ шагъ. . . Прежде всего я увѣрена, что составлю счастіе доброй моей матери, даруя ей двухъ друзей (т. е. Мойера и Жуковскаго). Милый другъ, то, что теперь тебя съ нею разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать. . . Что касается меня самой, то я потеряю свободу только по имени, за то пріобрѣту право пользоваться дружбою и тебѣ ее оказывать. Мой добрый другъ, я дѣйствительно увѣрена, что съ Мойеромъ найду счастіе и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характеръ благородный, и я всего ожидаю отъ времени" [1]). Нѣсколько позднѣе, по тому же поводу, 25 ноября 1815 г. писала Жуковскому Екатерина Аѳанасьевна: „Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастію тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ" [2]). Можно себѣ представить, какъ должно было поразить это Жуковскаго, все-таки еще питавшаго въ глубинѣ души неопредѣленныя надежды. Онъ отвѣчалъ не сразу. Въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 27 ноября 1815 года, изъ Петербурга) Жуковскій, становясь въ положеніе отца къ ней, не имѣя вообще ничего противъ ея брака и въ частности не имѣя ничего противъ Мойера, котораго онъ зналъ, любилъ и уважалъ за его прекрасныя умственныя и душевныя качества и благородный характеръ, энергически настаивалъ однако же на необходимости отложить это дѣло на нѣкоторое время, такъ какъ видѣлъ въ этомъ рѣшеніи Марьи Андреевны, еще весьма мало знавшей Мойера,

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 351—353.
2) Русская Старина 1883, № 5, стр. 354.

принужденіе со стороны матери, которая спѣшила освободить дочь отъ несбыточныхъ надеждъ на нее Жуковскаго; самая внезапность этого рѣшенія, на которое и намека не было въ недавнюю бытность Жуковскаго въ Дерптѣ, также казалась ему подозрительной. „Нѣтъ, милый другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и упреки, съ другой — грубости и жестокое притѣсненіе [1]... Ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что другого нечего дѣлать! Тебя тащутъ туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслѣдъ за тобою, какъ твой отецъ, говорить тоже. Нѣтъ, какъ твой отецъ, я не могу на это *теперь* согласиться". Далѣе, говоря объ отношеніи къ этому Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій восклицаетъ: „Боже мой, религія запретила ей согласиться на наше счастье, а та же религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святого — таинства и клятвы? Послѣ этого могу ли подумать, что религія, а не одно желаніе исполнить волю свою управляетъ ея поступками? Почему же здѣсь молчитъ религія, здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ поступкѣ, съ которымъ ни сердце, ни желанія твои не могутъ быть согласны?" Въ припискѣ къ этому письму, сдѣланной на другой день, Жуковскій выражается по поводу Екатерины Аѳанасьевны такимъ образомъ: „твое счастіе (т. е. свободное, непринужденное) было бы величайшимъ ея благодѣяніемъ и мнѣ. Мы были бы розно, ибо вмѣстѣ быть нельзя, но это розно не разорвало бы дружбы; у насъ было бы одно — твое счастіе! И какъ легко его сдѣлать — быть просто матерью, другомъ и утѣшителемъ, а не притѣснителемъ, который всѣмъ готовъ жертвовать своему эгоизму. Пожертвовавъ собою, не думай

1) Подъ первыми разумѣлъ Жуковскій дѣйствія и внушенія матери, а подъ вторыми — непріязненное и ничѣмъ неоправдываемое отношеніе къ Марьѣ Андреевнѣ мужа ея сестры, Воейкова, отличавшагося вообще недостаткомъ благородства въ характерѣ, неуживчивостью и вспыльчивымъ темпераментомъ.

изъ меня сдѣлать ей друга — этимъ не заманишь меня въ ея семью. Скорѣе соглашусь двадцать разъ себѣ разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ!“ [1]). Письмо Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ до насъ не дошло, но, судя по ея краткому и рѣзкому отвѣту [2]), оно вполнѣ соотвѣтствовало только что приведеннымъ выдержкамъ изъ письма его къ Марьѣ Андреевнѣ, касающимся ея матери; о содержаніи его можемъ заключать также и по другому письму Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ (отъ 11 декабря 1815 г. изъ Петербурга), въ которомъ онъ отчасти пересказываетъ содержаніе перваго, желая оправдать себя отъ несправедливыхъ упрековъ въ „ругательствахъ и клеветѣ“, на которыя, конечно, поскольку мы вообще знаемъ Жуковскаго, онъ совершенно не былъ способенъ. Однако рѣзкость тона своего перваго отвѣта Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ онъ не отрицаетъ: „Я не оправдываю своихъ выраженій. Но вспомните, въ какихъ обстоятельствахъ и *послѣ какой жизни* написано письмо мое. Подумайте, что послѣ всѣхъ тяжелыхъ огорченій, послѣ всѣхъ усилій жить съ вами и для васъ, что послѣ всѣхъ надеждъ я теперь остался одинъ и сберегъ для себя одну только надежду на Машино спокойствіе. Подумайте, что письмо мое писано послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки, что я еще недавно просилъ у васъ, какъ единственной мнѣ награды, чтобы Маша была свободна на счетъ выбора счастія — что же вышло? Не давъ ни минуты отдыха, вы требуете, чтобы я согласился на ея замужество. Судите сами себя, того ли надобно ожидать отъ дружбы и сожалѣнія?“ [3]). Наконецъ, къ разъясненію этого дѣла имѣемъ мы еще одно весьма замѣчательное письмо Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 25 декабря 1815 года, изъ Петербурга) [4]),

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 355—361.
2) Тамъ же, № 5, стр. 362.
3) Тамъ же, № 6, стр. 556.
4) Тамъ же, № 7, стр. 1—20.

а также письмо самой Марьи Андреевны къ Жуковскому въ отвѣтъ на его просьбу не торопиться и обдумать; это письмо писано ею, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны матери, которая тутъ оправдывается въ подозрѣваемомъ Жуковскимъ принудительномъ воздѣйствіи ея на дочь. Письмо это Жуковскій переслалъ въ собственноручной копіи къ А. П. Кирѣевской, снабдивъ его (отъ 6 декабря 1815 г. изъ Петербурга) обширными примѣчаніями и возраженіями по каждому пункту [1]); открывъ передъ Жуковскимъ еще разъ благородство и великодушіе Марьи Андреевны, оно не только не разубѣдило Жуковскаго въ его подозрѣніяхъ относительно несвободы ея рѣшенія, но еще укрѣпило въ немъ эти подозрѣнія: „Машино письмо въ моихъ рукахъ — писалъ онъ къ А. П. Кирѣевской 30 декабря 1815 г. изъ Петербурга — оно есть ужасное обвиненіе матери! Какъ могла Маша быть доведена до такого состоянія, чтобы почитать необходимостью разстаться съ своею семьею. За ея счастіе буду я благодаренъ ея мужу, а не ея матери“ [2]). Для того, чтобы чѣмъ-нибудь рѣшить это дѣло и прійти къ какому-нибудь обоюдному соглашенію, было необходимо личное присутствіе Жуковскаго въ Дерптѣ, куда призывала его Марья Андреевна, и вотъ онъ туда явился въ январѣ 1816 года — чтобы самому убѣдиться въ свободной привязанности дорогой ему Маши къ Мойеру и дать на этотъ бракъ свое согласіе. Не трудно себѣ представить, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ въѣзжалъ на этотъ разъ нашъ поэтъ въ знакомый уже ему городъ.

Эта поѣздка Жуковскаго въ Дерптъ была весьма кратковременна. Дѣло уладилось въ нѣсколько дней: Жуковскій убѣдился въ возможности счастья Марьи Андреевны съ Мойеромъ и далъ свое согласіе на этотъ бракъ. О Мойерѣ

---

1) Русская Старина 1883, № 6, стр. 541—553.

2) Тамъ же, № 8, стр. 226.

онъ говоритъ въ письмѣ къ А. П. Кирѣевской (отъ января 1816 г. изъ Дерпта): „Мойеру можно вѣрить совершенно. Прекрасный характеръ. Меня безпокоитъ только тотъ кругъ, въ который она войдетъ — надобно, чтобы она была сколько можно менѣе зависима отъ родни его; чтобы вся ея зависимость была отъ него единственно; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будетъ имѣть съ нимъ все, что должно для ея сердца“ [1]). Такъ рѣшена была самимъ Жуковскимъ и обстоятельствами будущая судьба его „Маши“, къ которой съ этого момента Жуковскій дѣйствительно сталъ лишь въ положеніе отца. Свадьба отложена была на годъ, и Жуковскій въ январѣ же 1816 года вернулся обратно изъ Дерпта въ Петербургъ, откуда по пріѣздѣ немедленно писалъ въ Дерптъ въ дорогую ему семью: „У меня теперь прекрасная цѣль въ жизни. У меня развязаны руки дѣлать *все, что отъ меня зависитъ,* для Машинаго счастія. Маша, смотри же, не обмани меня. Чтобы намъ непремѣнно вмѣстѣ состряпать твое счастіе. Тогда и все прекрасно!“ [2]). Другою заботою Жуковскаго въ этой семьѣ было облегченіе семейной жизни сестры Машиной, Александры Андреевны Воейковой, много страдавшей отъ своего мужа, который, желая быть неограниченнымъ деспотомъ въ этой исключительно женской семьѣ, злился на вліяніе, которое имѣлъ въ ней Жуковскій, и противился браку Марьи Андреевны съ Мойеромъ, въ которомъ видѣлъ себѣ новаго соперника въ томъ же смыслѣ [3]).

Эта поѣздка въ Дерптъ была впрочемъ благодѣтельна для нравственнаго состоянія Жуковскаго; она вывела его окончательно и безповоротно изъ неопредѣленностей, колебаній

---

1) Русская Старина 1883, № 8, стр. 227.

2) Тамъ же, № 8, стр. 228.

3) См. особенно о Воейковѣ письмо Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ отъ 25 дек. 1825 года: Русская Старина 1883, № 7, стр. 1—6, 10—18; также Русская Старина 1883, № 8, стр. 231.

и мучительныхъ опасеній за будущее Марьи Андреевны; ему на этотъ разъ оказано было полное довѣріе, и это, повидимому, вполнѣ примирило его съ Екатериной Аѳанасьевной. О впечатлѣніяхъ этой поѣздки онъ, вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, писалъ А. П. Кирѣевской 19 февраля 1816 г.: „Слава Богу, что теперь изъ этого хаоса выходитъ свѣтъ!... Изъ разговоровъ съ Машею я увидѣлъ, что она не обманываетъ меня, что она дѣйствуетъ теперь не по принужденію, а изъ увѣренности, что все будетъ лучше, что она надѣется этого лучшаго! И не одни ея слова, но и собственныя замѣчанія убѣдили меня въ этомъ. Съ Мойеромъ говорилъ я откровенно, и онъ не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли. Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи — цѣль наша прекрасная: общее счастіе называется Машею. Маша будетъ дѣйствовать свободно, все отдано на ея волю.“ О своемъ собственномъ душевномъ состояніи Жуковскій въ этомъ письмѣ говоритъ такъ: „Что касается меня самого, нельзя же *вдругъ* всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей“. Но Жуковскій не скрываетъ, что этотъ душевный переломъ достался ему не безъ труда: „Кажись бы хорошо, анъ нѣтъ! во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру... но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непремѣнно“ [1]). Въ другомъ, вскорѣ затѣмъ писанномъ, письмѣ къ тѣмъ же роднымъ въ Долбино (въ февралѣ или мартѣ 1816 года) Жуковскій между прочимъ пишетъ: „Я получилъ письмо отъ Мойера. Не правда ли, что мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ! Онъ говоритъ со мною о Машѣ:

---

1) Русская Старина 1883, № 8, стр. 230, 232—233.

Маша съ каждымъ днемъ даетъ мнѣ болѣе доказательствъ своего добраго расположенія и довѣрія. Эта одна черта показываетъ хорошее сердце — она и ему и мнѣ дѣлаетъ честь. Что бы ни было, а я этому радуюсь и буду радоваться, несмотря на тѣ минуты, въ которыя нѣкоторые уродцы, о которыхъ я писалъ на прошедшей почтѣ [1]), будутъ выходить на сцену. Друзья, много прекраснаго въ душѣ человѣческой, и жизнь наша дана намъ только для того, чтобы выкопать изъ нея это прекрасное и дать ему силу, бытіе, совершенство" [2]). Теперь уже Дерптъ неудержимо тянетъ Жуковскаго къ себѣ, и вотъ въ апрѣлѣ 1816 года онъ переѣзжаетъ сюда, чтобы провести здѣсь цѣлый годъ до свадьбы Марьи Андреевны съ Мойеромъ.

Сначала дѣло шло не особенно удачно, и возобновленная совмѣстная жизнь въ дорогой ему семьѣ не вполнѣ его удовлетворяла: „исторій нѣтъ, по крайней мѣрѣ продолжительныхъ; но и согласія не бывало" [3]). Причиною, вѣроятно, былъ съ одной стороны нѣсколько неуравновѣшенный, съ долей эгоизма и самовластія, характеръ Екатерины Аѳанасьевны, которая „видѣла себя одну несчастною и всѣхъ причиною несчастія" и которую могъ уязвлять даже высоковеликодушный поступокъ Жуковскаго, такъ какъ онъ давалъ ему неоспоримый нравственный авторитетъ въ глазахъ Марьи Андреевны, чего самолюбіе Екатерины Аѳанасьевны не могло переносить; съ другой стороны, и Марья Андреевна не могла сразу переломить своего сердца, и внутреннее сближеніе ея съ Мойеромъ происходило, на взглядъ Жуковскаго, слишкомъ медленно и мало давало Жуковскому

---

1) Онъ тамъ писалъ: „Друзья, какое иногда божественное чувство подымаетъ душу и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются" (тамъ же, стр. 231).

2) Тамъ же, стр. 236.

3) Письмо къ А. П. Кирѣевской отъ 12 апр. 1816 года, изъ Дерпта: Русская Старина 1883, № 9, стр. 534.

увѣренности въ будущемъ счастіи Маши. Но къ лѣту 1816 года дѣло, повидимому, уладилось, такъ что Жуковскій могъ написать А. П. Кирѣевской: „все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Маша будетъ имѣть *возможное* счастіе“ . . . [1]). Что касается самого Жуковскаго, то онъ чувствовалъ себя спокойно, и взятый имъ для себя девизъ „все въ жизни къ прекрасному средство“ былъ для него дѣйствительно руководящимъ правиломъ въ его жизни [2]). Лѣтомъ 1816 года Жуковскій совершилъ изъ Дерпта небольшую поѣздку по такъ называемой Лифляндской Швейцаріи, а затѣмъ съ Протасовыми и, вѣроятно, Мойеромъ [3]) ѣздилъ на купанье въ Ревель [4]). Между тѣмъ какъ шли приготовленія къ свадьбѣ Марьи Андреевны, Жуковскій на Рождество 1816 года ѣздилъ въ Петербургъ. Не задолго передъ этимъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ поднесъ императору Александру I экземпляръ только что вышедшаго собранія стихотвореній Жуковскаго (въ двухъ томахъ), съ указаніемъ на заслуги Жуковскаго въ области русской словесности и на его личныя обстоятельства. Государь пожаловалъ поэту пожизненный пенсіонъ въ размѣрѣ 4.000 рублей въ годъ, за что Жуковскій имѣлъ возможность, въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ, благодарить императора лично. 5-го января 1817 года Жуковскій уже уѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Дерптъ, и, наконецъ, 14 января 1817 года въ Дерптской Успенской церкви совершено было вѣнчаніе Марьи Андреевной съ Мойеромъ. „Свадьба кончена, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ“, писалъ

---

1) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535.

2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 156, 159. Ср. К. Зейдлицъ, стр. 73, 240; П. Загаринъ, стр. 181.

3) Воейковы въ это время были на югѣ Россіи.

4) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535—536; Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 157—158.

Жуковскій послѣ этого событія А. И. Тургеневу [1]). Сначала Жуковскій думалъ послѣ свадьбы Марьи Андреевны навсегда поселиться въ Дерптѣ, но уже къ веснѣ сталъ чувствовать тяжелое душевное состояніе и нравственную апатію, и искалъ выхода, о чемъ такъ писалъ А. И. Тургеневу изъ Дерпта 25 апрѣля 1817 года: „Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность... Но не бойся, я не упаду. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь воскреснуть... Я смотрю на счастіе, которое мнѣ не принадлежитъ, спокойно; въ тѣ минуты, въ которыя способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня, и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостію. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе — *во мнѣ самомъ*; внѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ, и я сплю! Изъ этого сна должно непремѣнно выйти!“ [2]). И дѣйствительно, выходъ вскорѣ нашелся: въ концѣ 1817 года Жуковскій приглашенъ былъ въ качествѣ учителя русскаго языка къ супругѣ наслѣдника престола великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (бывшей принцессѣ Шарлоттѣ Прусской), что было первымъ шагомъ его ближайшаго вступленія въ кругъ царскаго семейства, въ которомъ онъ занялъ впослѣдствіи такое видное и вліятельное положеніе. Онъ покинулъ Дерптъ для Петербурга въ январѣ 1818 года.

---

1) Письма, стр. 171.

2) Письма, стр. 177. Ср. тамъ же, стр. 176. — Нѣсколько рѣанѣе, 1 марта 1817 года, Жуковскій писалъ И. И. Дмитріеву, изъ Дерпта: „Не скажу, чтобъ я много сдѣлалъ; у меня большая неровность въ работѣ! Часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы“: Сочиненія Жуковскаго, изд. 7, т. VI. 427.

Такъ кончилась собственно дерптская жизнь Жуковскаго, но сношенія его съ этимъ городомъ еще не прекратились.

III.

Дерптскія знакомства Жуковскаго. — Университетъ; заступничество за него Жуковскаго. — Внѣуниверситетскія связи. — Литературная дѣятельность въ дерптскій періодъ, переводная и оригинальная.

Въ предшествующемъ изложеніи я намѣренно остановился почти исключительно на исторіи душевной жизни Жуковскаго и тѣсно связанныхъ съ нею обстоятельствахъ за время пребыванія его въ Дерптѣ — чтобы болѣе цѣльнымъ образомъ и рельефнѣе представить эту сторону его дерптской жизни. Теперь должно обратиться къ другой сторонѣ — къ сношеніямъ Жуковскаго въ Дерптѣ внѣ семьи Протасовыхъ и Воейковыхъ и къ его литературнымъ занятіямъ въ это время.

Очень естественно, что, живя сначала въ домѣ Воейкова, а потомъ Мойера, принадлежавшихъ къ составу университетскихъ профессоровъ, Жуковскій въ Дерптѣ скорѣе и ближе всего сблизился съ университетомъ. Еще на первомъ пути своемъ въ Дерптъ мечталъ онъ о дерптской университетской библіотекѣ [1]), и въ самомъ дѣлѣ знакомство съ библіотекаремъ, мѣстнымъ поэтомъ К. Ф. Петерсеномъ относится, повидимому, къ числу первыхъ его знакомствъ въ средѣ университетской; впослѣдствіи Ж. былъ даже крестнымъ отцомъ одного изъ его сыновей [2]). Лѣтомъ 1815 года онъ усердно

---

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 143.

2) Къ этому именно Петерсену и обращено было Жуковскимъ слѣдующее четверостишіе, написанное по поводу рожденія у Петер-

занимается „механической работой“, подготовкой „сухихъ матеріаловъ“ — вѣроятно, для своей поэмы „Владиміръ“ [1]). Со многими изъ профессоровъ Дерптскаго университета онъ завязалъ научныя или иныя близкія сношенія. Такъ, весной 1816 года онъ слушалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ Г. Эверса (младшаго) [2]); бесѣдовалъ съ К. Моргенштерномъ объ эстетикѣ и археологіи, съ Ф. Г. Парротомъ о физикѣ [3]), при чемъ о сочиненіи послѣдняго „Entretiens sur la phisique“ напечаталъ даже (Вѣстникъ Европы 1818 г., № 8) замѣтку, въ которой между прочимъ упоминалъ о томъ, что еще до напечатанія этого труда авторъ читалъ ему нѣкоторые отрывки въ рукописи [4]); въ началѣ 1817 года онъ ходатайствовалъ черезъ Тургенева объ оказаніи Парроту матеріальнаго пособія [5]). Въ мастерской профессора К. А. Зенфа Жуковскій учился гравированію. Профессоръ Ф. Э. Рамбахъ хотѣлъ перевести одно стихотвореніе Жуковскаго на нѣмецкій языкъ [6]). За профессора астрономіи Фр. В. Струве Жуковскій просилъ Тургенева о скорѣйшей выдачѣ ему и его невѣстѣ заграничныхъ паспортовъ [7]). Но особенно

сена сына и незадолго случившейся передъ тѣмъ смерти другого его сына:

„Я предсказатель! Радость за горемъ пришла! Замѣнило
Небо, что отнято имъ! Будь же утѣшенъ отецъ!
Двухъ ты имѣешь сыновъ! Твой младшій съ тобою, твой старшій
Будетъ, какъ ангелъ, съ небесъ милаго брата хранить“.

Это четверостишіе, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не помѣщенное въ собраніи сочиненій Жуковскаго, сообщено было Петерсеномъ своему другу пастору Веніамину Бергману, въ письмѣ отъ 10 декабря 1816 года: Eines Dichters Kind. Aus dem Briefwechsel Karl Petersens mit zweien Freunden, въ „Baltische Monatsschrift“, B. XXXVI. 1889, стр. 149.

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 147.
2) П. Загаринъ, стр. 213—214.
3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 158; К. Зейдлицъ, стр. 80.
4) Соч. II, стр. 419.
5) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 170—171.
6) Тамъ же, стр. 145.
7) Тамъ же, стр. 146.

замѣчательна была его встрѣча съ богословомъ проф. Л. Эверсомъ (старшимъ), который на студенческомъ праздникѣ 14 августа 1815 года захотѣлъ пить съ Жуковскимъ „братство“, о чемъ Жуковскій такъ писалъ А. П. Кирѣевской: „Эверсъ, осмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра, и со всѣмъ этимъ простота младенца. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку“ [1]). Этотъ эпизодъ разсказалъ Жуковскій и въ стихотвореніи „Старцу Эверсу“ [2]), которое, по его собственному признанію, писалъ „не для печатанія, но для облегченія сердца и для друзей“ [3]). „Не мудрено — замѣчаетъ по этому поводу д-ръ К. Зейдлицъ, — что мы, свидѣтели этой трогательной встрѣчи знаменитаго русскаго поэта съ почтеннымъ дерптскимъ профессоромъ, съ восторгомъ пожали руку нашему дерптскому гостю и считали его съ тѣхъ поръ и нашимъ братомъ“ [4]). Интересы университета дороги были Жуковскому. Пребываніе Ж—го въ Дерптѣ совпало съ весьма критическимъ моментомъ въ жизни Дерптскаго университета, вслѣдствіе сдѣлавшейся тогда почти общеизвѣстной скандальной исторіи съ незаконнымъ присужденіемъ въ 1816 году докторской степени Вальтеру и Веберу; тогда стали смотрѣть подозрительно и на другіе докторскіе дипломы отъ этого университета, и по одному изъ такихъ поводовъ Жуковскій писалъ, 21 октября 1816 года, изъ Дерпта, А. И. Тургеневу: „За что ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ числѣ Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ и другой были экза-

---

1) Русская Старина 1883, № 4, стр 105.
2) Соч. I, стр. 485—487.
3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 152.
4) Тамъ же, стр. 83.

менованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличатъ отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, надо щадить университетъ. Онъ и безъ того упадаетъ и упадаетъ, потому что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться?" [1]). Въ Дерптѣ ходили даже слухи о назначеніи Жуковскаго попечителемъ Дерптскаго округа послѣ Клингеръ въ 1817 году [2]), но, повидимому, они не имѣли никакихъ основаній. Точно также хлопочетъ онъ черезъ Тургенева о подысканіи мѣста и двумъ другимъ дерптскимъ докторамъ А. Лебрену и Ф. Заремба [3]). Въ свою очередь и университетъ, согласно ходатайству философскаго факультета, присудилъ Жуковскому въ апрѣлѣ 1816 года почетную степень доктора философіи въ воздаяніе за культурныя услуги Россіи, оказанныя Жуковскимъ его литературной дѣятельностью; внѣшнимъ поводомъ къ этому рѣшенію университета послужилъ выходъ въ 1816 году въ свѣтъ двухтомнаго собранія стихотвореній Жуковскаго, какъ о томъ уже упомянуто было выше [4]). Не мало связей имѣлъ Жуковскій въ Дерптѣ и внѣ университета. По словамъ д-ра К. Зейдлица, онъ „съ благодарностію вспоминалъ всегда о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ имъ въ домахъ Мантейфеля, Левенштерна, Брюнинга, Нолькена, Липгардта, Штакельберга, Лиліенфельда, Крюднера" [5]). И со своей стороны, онъ старался оказать возможныя услуги своимъ дерптскимъ знакомымъ въ Петербургѣ, главнымъ

1) Письма, стр. 164—165.

2) Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders, въ Baltische Monatsschrift. B. XXXIX. 1892, стр. 230.

3) Письма, стр. 153, 169.

4) P. Wiskowatow. Rede zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukofsky am 29 Januar 1883. Dorpat 1883, стр. 22—23. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 160.

5) Стр. 80.

образомъ черезъ Тургенева. Такъ, онъ настойчиво ходатайствовалъ за М. Асмуса, основателя школы по системѣ Песталоцци въ Дерптѣ и стихотворца, о предоставленіи ему чина губернскаго секретаря [1]); за чудака-поэта К. У. Белендорфа онъ проситъ объ оказаніи ему содѣйствія при подпискѣ на его сочиненія, которыя тотъ намѣревался издать [2]); музыканта и стихотворца Вейрауха, положившаго на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, онъ проситъ у Тургенева позволенія привезти къ нему въ Петербургъ для оказанія ему покровительства [3]); того же Тургенева проситъ Жуковскій объ оказаніи покровительства члену Курляндской консисторіи Г. Ф. Гуну [4]), пастору К. Э. Бергу, книга котораго (Briefe über eine magnetische Kur. Dorpat 1816) подверглась подозрѣнію въ безвѣріи [5]), гр. Мантейфелю — о помѣщеніи двухъ его сыновей въ пансіонъ Царскосельскаго Лицея [6]). Особенно Жуковскій сблизился въ Дерптѣ съ Т. Е. фонъ-Бокомъ, личностью замѣчательной столько же по своей трагической судьбѣ, сколько и по благородству убѣжденій. Страстный приверженецъ литературнаго романтическаго движенія въ Германіи, находившаго себѣ отголоски въ Дерптѣ, знакомецъ самого Гете, фонъ-Бокъ увидалъ въ Жуковскомъ близкую себѣ натуру. Нашъ поэтъ, посвященный въ интимнѣйшія обстоятельства жизни фонъ-Бока (его несчастную любовь) и связанный съ нимъ чувствомъ живой симпатіи, написалъ къ нему три стихотворныхъ письма, относящихся къ періоду дерптской жизни Жуковскаго [7]); сношенія съ нимъ продолжалъ Жуковскій и послѣ отъѣзда

---

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 168, 169, 173, 174, 175, 179.
2) Тамъ же, стр. 176.
3) Тамъ же, стр. 162.
4) Тамъ же, стр. 152.
5) Тамъ же, стр. 155.
6) Тамъ же, стр. 172, 173.
7) Соч. I, стр. 482—484.

изъ Дерпта[1]). Знакомство со многими русскими въ мирное и въ военное время (фонъ-Бокъ принималъ участіе въ походахъ противъ Наполеона) заставило его полюбить все русское, и въ этомъ отношеніи, для характеристики его политическихъ взглядовъ, весьма замѣчателенъ его отзывъ о Барклай-де-Толли, военнымъ дарованіямъ котораго онъ отдавалъ полную справедливость: „Порицаю только то, что въ главной квартирѣ его не услышишь никакого другого языка кромѣ нѣмецкаго. Если допустить пристрастіе, то ужъ конечно къ большинству націи, но эта germanomanie и livonomanie рѣшительно неумѣстна, особливо въ Лифляндцѣ. Румянцевъ и Кутузовъ также были постоянно окружены Лифляндцами и Нѣмцами, но при нихъ это обусловливалось ихъ безпристрастіемъ, при Барклаѣ — напротивъ. Еще разъ, какъ скоро допустишь, чтобы что-либо другое было побудительною причиною нашихъ дѣйствій, чѣмъ здравый смыслъ и чувство чести, то лучше отдавать преимущество большинству. Въ этомъ я убѣжденъ искренно, и потому не хочу оставаться въ главной квартирѣ; я даже не хочу имѣть видъ человѣка, ставящаго себя, какъ Лифляндецъ, въ оппозицію къ остальной части націи. Какъ дворянинъ, я горжусь, что мои предки были древніе рыцари; какъ гражданинъ, я никогда не буду ничѣмъ другимъ, какъ самымъ закоренѣлымъ русскимъ“ [2]). Наконецъ, свидѣтельствомъ о дерптскихъ сношеніяхъ Жуковскаго являются: стихотвореніе 1815 года „Въ корыстолюбіи себя ты упрекаешь. . .“, обращенное къ нѣкоему Фурману [3]), и еще два стихотворенія 1817 года, переведенныя изъ Гёте, „Къ мѣсяцу“ и „Утѣшеніе въ слезахъ“, которыя, по словамъ

---

1) Н. Лыжинъ. Знакомство Жуковскаго со взглядами романтической школы. Лѣтописи русской литературы и древностей. Т. I. М. 1859, стр. 75—78. Ср. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7, т. VI. стр. 443—444.

2) Н. Лыжинъ, стр. 69.

3) Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 42.

д-ра Зейдлица [1]), написаны при прощаніи съ дерптскими друзьями [2]).

Что касается вообще литературной дѣятельности Ж-го за разсмотрѣнное нами время пребыванія его въ Дерптѣ, то она была невелика: это были переводы изъ Шиллера и Гете, а чаще изъ Уланда и Гебеля. Съ послѣднимъ впервые познакомился Жуковскій именно въ Дерптѣ и былъ отъ него сначала въ большомъ восторгѣ: „Я ничего лучше не знаю — писалъ онъ о Гебелѣ А. И. Тургеневу по поводу перевода „Овсянаго киселя". — Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ" [3]). Въ Дерптѣ, въ 1817 году, начата была и „Ундина", за продолженіе которой, впрочемъ, принялся Жуковскій гораздо позднѣе, во время пребыванія заграницей въ 1833 году; окончена была эта повѣсть въ 1836 году опять-таки близъ Дерпта, на мызѣ Эллистферъ, въ домѣ Ек. Аѳ. Протасовой; рисунки для этого произведенія, помѣщенные въ первомъ его изданіи 1837 года, исполнены были по заказу автора извѣстнымъ тогда дерптскимъ живописцемъ Майделемъ [4]).

Нельзя, конечно, отрицать, что пребываніе въ Дерптѣ было для Жуковскаго весьма полезно въ смыслѣ ознакомленія его съ нѣмецкой поэтической литературой, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли подлежитъ сомнѣнію и то, что результаты этого ознакомленія въ общей суммѣ поэтическихъ трудовъ Жуковскаго не играютъ особенно видной роли. Въ русскихъ читателяхъ переводныя произведенія Жуковскаго этого періода не нашли сочувствія [5]), и самъ Жуковскій впослѣдствіи не вполнѣ былъ доволенъ ими [6]): такъ они отошли

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 111.
2) Соч. II, стр. 38—40.
3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 164.
4) Зейдлицъ, стр. 159, 186.
5) П. Загаринъ, стр. 210.
6) Тамъ же, стр. 221.

отъ живыхъ интересовъ русской дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту пору Жуковскій по временамъ, оставаясь нерѣдко среди исключительно нѣмецкой житейской и литературной обстановки, чувствовалъ свое отчужденіе отъ русскихъ интересовъ и русской жизни: „я здѣсь совсѣмъ огерманился; не знаю ничего, что дѣлается на сценѣ русской словесности", писалъ онъ А. И. Тургеневу въ сентябрѣ 1816 года изъ Дерпта [1]). И если выборъ сюжетовъ или литературныхъ источниковъ у Жуковскаго въ его дерптскую жизнь опредѣлялся особымъ складомъ и обстановкой окружавшей его жизни, то сравнительная скудость его литературной производительности за это время находитъ себѣ полное оправданіе въ той тяжелой душевной борьбѣ и тѣхъ внутреннихъ страданіяхъ, лишавшихъ его бодрости и энергіи, которымъ онъ подвергался въ силу уже извѣстныхъ намъ семейныхъ и личныхъ обстоятельствъ. Что же касается задачъ поэтическаго творчества, то въ дерптскую пору своей жизни онъ имѣлъ о нихъ самое возвышенное представленіе. „Поэзія часъ отъ часу дѣлается для меня чѣмъ-то возвышеннымъ — писалъ онъ А. И. Тургеневу въ октябрѣ 1816 года изъ Дерпта. — Не надобно думать, что она только забава воображенія... Она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію" [2]).

Оригинальное поэтическое творчество Жуковскаго въ пору его дерптской жизни было весьма незначительно и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Несомнѣнно на почвѣ душевныхъ волненій поэта по его отношеніямъ къ Марьѣ Андреевнѣ возникли стихотворенія 1816 года „Воспоминаніе" „Кольцо души-дѣвицы я въ море уронилъ" и особенно слѣдующая „Пѣсня":

---

1) Письма, стр. 100.
2) Письма, стр. 163. Ср. Русская Старина 1883, № 9, стр. 541.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...
и т. д. [1]).

IV.

Смерть М. А. Мойеръ и впечатлѣніе, произведенное этой смертью на Жуковскаго. — Дальнѣйшія связи Жуковскаго съ Дерптомъ.

Наконецъ, намъ остается прослѣдить отношенія Жуковскаго къ Дерпту послѣ выхода замужъ Марьи Андреевны. По пріѣздѣ въ Петербургъ послѣ ея свадьбы Жуковскій, повидимому, часто писалъ въ Дерптъ. Нерѣдко и самъ онъ пріѣзжалъ въ Дерптъ, къ роднымъ, пока они тамъ жили, видя въ этомъ городѣ — по словамъ П. А. Плетнева [2]) — со времени переселенія своего въ столицу „какъ бы новое для себя Мишенское", а послѣ смерти Марьи Андреевны ѣздилъ на ея могилу; точно также, проѣзжая черезъ Дерптъ за границу [3]) или возвращаясь изъ-за границы обратно, Жуковскій останавливался въ Дерптѣ, чтобы повидаться съ родными или навѣстить могилу „Маши".

1) Соч. II, стр. 12.
2) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, въ изданіи: „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева", т. III, стр. 89.
3) Тогда, до желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, Дерптъ стоялъ на главномъ трактѣ за границу.

Такъ, Анна Петровна Зонтагъ (сестра А. П. Кирѣевской) въ письмѣ къ своей пріятельницѣ М. А. Павловой разсказываетъ случай, какъ однажды въ масляницу 1819 года Жуковскій, въ бытность свою въ Дерптѣ, увидавъ на улицѣ нищаго, который по-русски просилъ милостыню, имѣя отмороженную ногу, отдалъ ему всѣ деньги, которыя съ нимъ были (300 р.), а затѣмъ проф. Мойеръ, проѣзжая по той же улицѣ и увидавъ нищаго, отослалъ его въ свою клинику и вылѣчилъ безплатно. Достовѣрность этого великодушнаго поступка Жуковскаго подтверждалъ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ и самъ проф. Мойеръ [1]).

Въ началѣ 1820 года Жуковскій былъ въ Дерптѣ, о чемъ писалъ такъ А. П. Елагиной (бывшей Кирѣевской, вторично вышедшей замужъ) изъ Петербурга, по пріѣздѣ: „Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ... Былъ въ Дерптѣ какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука!“ [2]).

Въ октябрѣ того же года Жуковскій проѣзжалъ черезъ Дерптъ за границу, куда онъ долженъ былъ отправиться, чтобы находиться при особѣ своей ученицы, великой княгини Александры Ѳеодоровны, посланной за границу для поправленія здоровья послѣ тяжелой ея болѣзни лѣтомъ 1820 года. Остановившись въ Дерптѣ, Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (отъ 2 октября) просилъ о профессорѣ Г. Л. Белендорфѣ, который вынужденъ былъ подать въ отставку по обвиненію его въ оскорбленіи Богоматери на лекціи [3]); въ тотъ же день Жуковскій писалъ А. П. Елагиной о планѣ своего предстоящаго путешествія заграницу и прибавлялъ: „Думаю, что это путешесствіе будетъ и физически и нравственно полезнымъ: можетъ быть, вялость душевная поубавится, я опять освѣжусь и примусь

1) Русскій Архивъ 1878, № 2, стр. 207—208.
2) Русская Старина 1883, № 10, стр. 80.
3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 191—192.

за свою поэзію“ [1]). Очевидно, нравственное выздоровленіе Жуковскаго послѣ тяжелыхъ душевныхъ страданій, закончившихся выходомъ замужъ Марьи Андреевны, шло весьма медленно. Однако надежды Жуковскаго на освѣжающее дѣйствіе путешествія не были напрасны: уже съ дороги посылаетъ онъ въ Дерптъ нѣкоторые плоды снова посѣтившаго его поэтическаго вдохновенія [2]). Возвращаясь изъ этого путешествія въ началѣ 1822 года, Жуковскій опять останавливался въ Дерптѣ и читалъ въ кругу родныхъ отрывки только что оконченнаго имъ въ Берлинѣ перевода „Орлеанской дѣвы“ [3]), а по возвращеніи въ Петербургъ писалъ А. П. Елагиной (отъ 27 іюля 1822 г. изъ Царскаго Села): „Здѣсь подлѣ меня одна Саша [4]); въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня попрежнему, но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни. Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ“ [5]).

Осенью 1822 года Жуковскій сопровождалъ въ Дерптъ Екатерину Аѳанасьевну Протасову, ѣздившую въ Петербургъ къ дочери А. А. Воейковой по случаю рожденія внука Андрея. Возвратившись изъ этой поѣздки въ Петербургъ, Жуковскій такъ писалъ о впечатлѣніяхъ ея А. П. Елагиной: „Я былъ въ Дерптѣ и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ ней и доволенъ: *это поэзія*... Судьба погремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное — шелуха!“ Въ этомъ же письмѣ Жуковскій настоятельно

---

1) К. Зейдлицъ, стр. 117—118.

2) Тамъ же, стр. 119.

3) К. Зейдлицъ, стр. 123.

4) А. А. Воейкова, переѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ 1820 г. въ Петербургъ, гдѣ А. Ѳ. Воейковъ, по оставленіи профессуры въ Дерптскомъ университетѣ, поступилъ на службу.

5) Русская Старина 1883, № 10, стр. 81.

совѣтуетъ А. П. Елагиной отослать своихъ сыновей учиться въ Дерптъ [1]). Между тѣмъ А. А. Воейкова, удрученная горестями несчастной семейной жизни [2]), собиралась съ дѣтьми переселиться въ Дерптъ къ сестрѣ, и по поводу этой предстоящей разлуки Жуковскій написалъ и послалъ въ Дерптъ глубоко-грустное стихотвореніе „Отымаетъ наши радости безъ замѣны хладный свѣтъ. . .“ [3]), вызвавшее въ свою очередь глубокое сожалѣніе о Жуковскомъ въ сердцѣ Марьи Андреевны. Въ февралѣ 1823 г. Жуковскій дѣйствительно проводилъ А. А. Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ и оставался здѣсь двѣ недѣли. Поэтъ не предчувствовалъ, что это было послѣднее его свиданіе съ Марьей Андреевной: едва онъ успѣлъ 10 марта выѣхать въ Петербургъ, какъ 19 марта получилъ извѣстіе о смерти Марьи Андреевны въ родахъ. По словамъ д-ра Зейдлица, это извѣстіе глубоко потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ событіи А. П. Елагиной 28 марта 1823 года изъ Дерпта, куда онъ немедленно отправился, по полученіи страшной вѣсти: „10 числа я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятною безпечностью. Я привезъ къ нимъ Сашу и пробылъ съ ними двѣ недѣли — недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока; должно было уѣхать; но Боже мой! я могъ бы остаться еще 10 дней — эти дни были послѣдніе здѣшніе дни Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли; бываютъ предчувствія, чтобы мутить душу; для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія? Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта, долго ждалъ лошадей; всѣхъ клонилъ сонъ; я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я

1) К. Зейдлицъ, стр. 126—127.
2) Какова была эта жизнь см. у П. Загарина, стр. 388—390.
3) Соч. II, стр. 399—401.
4) К. Зейдлицъ, стр. 128.

засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу я проводилъ до ея дома; услышалъ еще голосъ ея, когда готовъ былъ опять войти въ двери, услышалъ въ темнотѣ: *прости*! Возвратясь, проводилъ Машу до ея горницы; она взяла съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда; и я заснулъ. Черезъ полчаса все готово къ отъѣзду; встаю, подхожу къ лѣстницѣ, думаю — идти-ли, хотѣлъ даже не идти, но пошелъ — она спала; но мой приходъ ее разбудилъ — хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились; она просила, чтобы я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку — и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ. И черезъ десять дней я опять на той же дорогѣ, на которой мы вмѣстѣ съ Сашею ѣхали на свиданіе радостное, и съ чѣмъ же я ѣхалъ! Ея могила — нашъ алтарь вѣры, недалеко отъ дороги, и ее первую посѣтилъ я". Далѣе въ письмѣ идетъ разсказъ о причинѣ смерти Марьи Андреевны и о послѣднихъ минутахъ ея жизни. „(Послѣ смерти) она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ. Въ голубомъ платьѣ, подлѣ нея младенецъ (родившійся мертвымъ), миловидный, точно заснувшій. Горе было для всѣхъ; здѣсь всѣ ее потеряли. Знакомый и незнакомый прислали цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два ангела, и жившій и неживший. Она казалась спящею въ цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ... Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть какъ увѣреніе Божіе, что жизнь святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятно — мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія, нѣтъ! Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе" [1]).

М. А. Мойеръ, скончавшаяся 19 марта 1823 года,

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 84—85.

погребена была на дерптскомъ русскомъ кладбищѣ, у южной стѣны построенной впослѣдствіи кладбищенской церкви.

Потерявъ Машу, Жуковскій тѣмъ болѣе привязывается къ Аннѣ Петровнѣ Елагиной, съ которой связывала его, между прочимъ, и общая любовь къ покойницѣ: „Не утѣшенія отъ васъ требую и надѣюсь — писалъ онъ ей 30 мая 1823, по пріѣздѣ съ похоронъ, изъ Петербурга — въ этомъ словѣ что-то мелкое и даже непонятное, но помощи, чтобы быть достойнымъ прошедшаго и святого воспоминанія. Машина потеря есть для меня и для васъ религія, и вотъ почему называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться — говорю о себѣ, а не о васъ... Не покидайте меня. Все высокое сдѣлалось для меня теперь вѣрою; все стало понятнѣе — но это высокое надобно пріобрѣсти; иначе Маша навсегда потеряна“ [1]). Смерть эта вызвала у Жуковскаго слѣдующее стихотвореніе: „19 марта 1823 года“:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 88.

Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь![1])

Со смертію Марьи Андреевны Дерптъ сдѣлался навсегда близкимъ и дорогимъ сердцу Жуковскаго. Его серьезно стала занимать мысль на всю жизнь поселиться въ этомъ городѣ, вблизи дорогой ему могилы, возлѣ которой приготовилъ онъ мѣсто и для себя[2]), но желаніямъ этимъ не суждено было осуществиться. Съ этихъ поръ русское дерптское кладбище сдѣлалось для него какъ бы мѣстомъ паломничества. „Всякій разъ, какъ только онъ могъ отлучиться отъ своихъ занятій при дворѣ — передаетъ д-ръ Зейдлицъ — онъ спѣшилъ уѣхать на могилу Марьи Андреевны, къ своему „алтарю", на которомъ воздвигнулъ чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ... Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Дерптъ, онъ прежде всего отправлялся поклониться этой могилѣ, вправо отъ почтовой дороги; возвращаясь изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ останавливался тутъ на прощаніе съ могилою. Во все время пребыванія своего въ Дерптѣ, онъ каждый день, одинъ или въ сопровожденіи родныхъ и дѣтей, посѣщалъ это для него святое мѣсто, даже зимою. Изъ всѣхъ картинъ, представляющихъ эту могилу — онъ же много и самъ ихъ нарисовалъ, и заказывалъ писать — преимущественно любилъ онъ одну, представляющую могильный холмъ въ зимней обстановкѣ: на свѣжемъ снѣгу видны слѣды; мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника.

---

1) Соч. II, стр. 402.

2) К. Зейдлицъ, стр. 131, прим. 2; P. Wiskowatow, Rede, стр. 21.

Сколько разъ въ теченіе 17-ти лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ!“ [1]).

Такъ, въ декабрѣ 1823 года былъ онъ въ Дерптѣ, откуда писалъ А. И. Тургеневу, прося его похлопотать въ Петербургѣ въ пользу профессора Дерптскаго университета оберъ-пастора Г. Э. Ленца [2]). Затѣмъ, былъ онъ въ Дерптѣ лѣтомъ 1824 года, сопровождая туда для лѣченія (но безъ результата) своего несчастнаго друга поэта К. Н. Батюшкова, и въ этотъ разъ писалъ А. П. Елагиной: „Я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ которымъ я взглянулъ на ея тихій цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина! Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ“ [3]). Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій пробылъ въ Дерптѣ четыре дня [4]), въ 1829-мъ недѣлю [5]); затѣмъ, онъ былъ тамъ въ сентябрѣ 1833 года, о чемъ, между прочимъ, записалъ въ своемъ дневникѣ, что дѣлалъ визиты къ Асмусу, Блуму, Парроту, Зенфу [6]). Послѣдній разъ посѣтилъ Жуковскій Дерптъ 5 мая 1841 года, отправляясь на постоянное житье за границу и спѣша на этотъ разъ въ Штутгартъ, гдѣ 21 мая была назначена и совершилась его свадьба съ Е. А. Рейтернъ, съ отцомъ которой, впослѣдствіи близкимъ другомъ Жуковскаго, впервые онъ познакомился также въ Дерптѣ въ 1816 году [7]). Въ этотъ свой пріѣздъ въ Дерптъ Жуковскій, продавши свое имѣніе возлѣ Дерпта Мейерсгофъ [8]) д-ру К. К. Зейдлицу,

---

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 137—138.
2) Письма, стр. 194—197.
3) К. Зейдлицъ, стр. 138.
4) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 222—223.
5) К. Зейдлицъ, стр. 253.
6) Тамъ же, стр. 480, прим.
7) П. Загаринъ, стр. 540.
8) О покупкѣ этого имѣнія Жуковскимъ отъ казны въ 1837 году см. въ замѣткѣ П. А. Шафранова „Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и

полученные отъ продажи 115,000 рублей назначилъ въ приданое тремъ дочерямъ А. А. Воейковой (умершей 16 февраля 1829 года въ Италіи), а слабоумнаго ея сына Андрея распорядился отправить въ Бунино, къ Мойеру, оставившему службу въ Дерптѣ, и Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ [1]). Въ этотъ же послѣдній разъ простился онъ навсегда и съ дорогой ему дерптской могилой этого, по выраженію Жуковскаго, „земного Ангела", который, въ свою очередь, глубоко вѣрно оцѣнилъ Жуковскаго, сказавши (въ письмѣ къ д-ру Зейдлицу), что „его прекрасная душа есть одно изъ украшеній Божьяго міра" [2]).

Уннипихтъ въ Лифляндской губерніи", въ сборникѣ: „Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ", вып. I (Спб. 1891), стр. 151—159.

1) К. Зейдлицъ, стр. 175.

2) Тамъ же, стр. 128. — Въ письмѣ къ Гоголю отъ 1/13 февраля 1851 года, изъ Бадена, Жуковскій писалъ: „Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною или въ началѣ лѣта въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отпраздную коронацію и царскіе юбилеи" (Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ. М. 1891, стр. 23). Но этой надеждѣ Жуковскаго посѣтить Дерптъ и вообще увидѣть Россію не суждено было осуществиться.

Приложенія.

I. Письма и записки В. А. Жуковскаго къ профессору К. Моргенштерну [1]).

---

1. (1817).

Joukovsky Vous prie de venir diner chez lui. Nous aurons Ewers, Engelhardt et Parrot. Je Vous attends à l'heure et demi et je n'accepte pas de refus.

[Переводъ: Жуковскій проситъ васъ пожаловать къ нему на обѣдъ. У насъ будутъ Эверсъ, Энгельгардтъ и Парротъ. Я жду васъ къ половинѣ второго и отказа не принимаю.] [2]).

---

1) Карлъ Моргенштернъ былъ въ 1802—1852 годахъ профессоромъ древне-классической филологіи, краснорѣчія, эстетики и исторіи художествъ въ Дерптскомъ университетѣ; въ тоже время онъ занималъ должность и директора университетской библіотеки. См. выше стр. 74. Подлинники этихъ писемъ и записокъ хранятся въ собраніи бумагъ и переписки Моргенштерна въ рукописномъ отдѣлѣ Юрьевской университетской библіотеки: Briefe von Gelehrten, Freunde u. s. w. an Morgenstern. 1812—1827, B. X, и Briefe etc. hoher Personen, auch einig. Damen an Morgenstern. 1808—1836, B. XVI (№ CCCXLII).

2) Безъ даты; внизу рукой Моргенштерна карандашомъ: Im May 1817. — Эверсъ (Густавъ, вѣроятно), Энгельгардтъ (Морицъ, минералогъ) и Парротъ (Георгъ-Фридрихъ) — профессора Дерптскаго университета. Ср. выше стр. 74.

2. (1819).

On ne refuse jamais ce qui fait plaisir. C'est la règle. Et d'après cette règle je suis chez Vous demain à l'heure designée. Tout à Vous Joukoffsky.

[Переводъ: Никогда не отказываются отъ того, что доставляетъ удовольствіе. Это правило. И согласно этому правилу я буду у васъ завтра въ назначенный часъ. Весь вашъ Жуковскій] [1]).

3. (1823).

Si j'aurai le tems demain, je viendrai, cher et respectable ami, chez Vous à l'heure indiquée. Ce qui est retardé n'est pas perdu. Nous aurons encore le tems de faire ce que nous avons resolu. Tout à Vous Joukoffsky.

[Переводъ: Если у меня будетъ завтра время, я приду къ вамъ, дорогой и уважемый другъ, въ назначенный часъ. Что запоздало, то еще не потеряно; у насъ есть еще время сдѣлать то, что мы рѣшили. Весь вашъ Жуковскій] [2]).

4. (1823).

Je suis bien mortifié d'être obligé de repondre par un refus à Votre invitation, cher ami. Demain je pars pour Pétersbourg dans l'après-diner, et je ne puis plus remettre ce depart tant de fois dejà remis. J'ai été il y a quelques jours chez Vous, mais je n'ai pas eu le plaisir de Vous trouver à la maison.

Adieu. Conservez moi Votre souvenir amical. Mes respects à M-me Morgenstern. Tout à Vous Joukoffsky.

---

1) Безъ даты; внизу письма, въ скобкахъ, рукою Моргенштерна: Im Febr. 1819. Адресъ рукою М. А. Мойеръ: A M. de Morgenstern. En mains propres.

2) Безъ даты; внизу рукою Моргенштерна: Im März 1823.

[Переводъ: Я въ высшей степени огорченъ, что долженъ отвѣтить вамъ отказомъ на ваше приглашеніе, дорогой другъ. Завтра послѣ обѣда я уѣзжаю въ Петербургъ, и не могу болѣе откладывать этотъ отъѣздъ, столько разъ уже отложенный. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у васъ, но не имѣлъ удовольствія застать васъ дома.

Прощайте. Сохраните обо мнѣ дружескую память. Мое почтеніе г-жѣ Моргенштернъ. Весь вашъ Жуковскій.] [1]).

5. (1829).

Recevez mes remerciments, respetable ami, pour Votre brochure que Vous avez eu la bonté de m'envoyer [2]). Je l'ai lue avec un vrai intérêt. C'est une course rapide que j'ai faite avec Vous par un beau pays. La vie de cette femme vertueuse peut bien être comparée à un jardin cultivé, où tout parle d'activité bienfaisante, où tout resplendit des plus belles productions de la nature, où tout rejouit par la beauté et l'utilité. Son souvenir est pur. Il n'y a pas d'exemple d'une telle activité sur le trone. Votre brochure est un excellent sommaire pour sa biographie; et sa biographie, bien faite, servit l'histoire d'un demisiecle de Russie consideré sous le point de vue le plus intéressant. Merder Vous a déjà repondu. Il a remi au Grand Duc l'exemplair qui lui a été destiné. Cet enfant est digne d'apprendre la belle vie de sa Grande-Mère, car il a conçu une belle ame: et il s'attendrit toujours à son souvenir. Jäsche [3]) l'a vu de près; il peut Vous en donner une idée, car il l'a vu dans son interieur et dans toute sa gaité enfantine. J'ai reçu une lettre de Tour-

1) Безъ даты; внизу карандашомъ другой рукою: 1823. Вѣровтно, это письмо писано 9 марта 1823 года: см. выше стр. 84.

2) Вѣроятно, это была брошюра Моргенштерна: Zum Gedächtniss Ihrer Hochseligen Majestät der Kaiserin Mutter Maria Feodorowna. Vortrag (am 12 Dec. 1828). Riga und Leipzig 1829.

3) Г. В. Еше — профессоръ философіи въ Дерптскомъ университетѣ (1802—1839).

gueneff qui me parle aussi de Goethe avec lequel il a passé une heure delicieuse. Adieu. Je Vous salue de tout mon coeur et je Vous prie de saluer de ma part mes bons amis de Dorpat, particulièrement Ewers, Engelhardt, Blum [1]) et Jäsche. Tout à Vous Joukoffsky. 15 Septembre.

[Переводъ: Примите мою благодарность, уважаемый другъ, за вашу брошюру, которую вы были добры мнѣ послать. Я прочелъ ее съ истиннымъ интересомъ. Это — бѣглая прогулка, которую я сдѣлалъ съ вами по прекрасной странѣ. Жизнь этой добродѣтельной женщины можетъ быть сравнена съ благоустроеннымъ садомъ, гдѣ все говоритъ о дѣятельности на пользу ближнихъ, все блещетъ лучшими произведеніями природы, все радостно исполнено красоты и пользы. Память о ней чиста. Нѣтъ примѣра другой такой дѣятельности на тронѣ. Ваша брошюра представляетъ собою превосходный конспектъ для ея біографіи; а біографія ея, хорошо написанная, послужитъ къ исторіи Россіи за полустолѣтіе, съ весьма интересной точки зрѣнія. Мердеръ уже отвѣчалъ вамъ. Онъ передалъ великому князю предназначенный вами для него экземпляръ. Этотъ ребенокъ достоинъ узнать прекрасную жизнь своей бабушки, такъ какъ у него чудесное сердце: воспоминаніе о ней всегда для него трогательно. Еше видѣлъ его вблизи; онъ можетъ дать вамъ понятіе о немъ, потому что онъ видѣлъ его въ домашней обстановкѣ и во всей его дѣтской веселости. Я получилъ отъ Тургенева письмо; онъ мнѣ разсказываетъ, между прочимъ, о Гете, съ которымъ онъ провелъ восхитительный часъ. Прощайте. Привѣтствую васъ отъ всего моего сердца и прошу васъ поклониться отъ меня моимъ добрымъ дерптскимъ друзьямъ, особенно Эверсу, Энгельгардту, Блуму и Еше. Весь вашъ Жуковскій. 15 сентября.] [2]).

1) К. Л. Блумъ — профессоръ географіи и статистики въ Дерптскомъ университетѣ (1826—1851).

2) Безъ обозначенія года. Почтовый штемпель: С.-Петербургъ, 1829, сент. 17.

6 [1]).

Mon cher ami! Je Vous ai invité aujourd'hui à diner avec nous pressé par le peu de tems que d'après ce que Vous m'avez dit Vous pouviez passer à Francfort. Mais, pensant que peut-être il Vous seroit possible d'y rester lundi et de nous donner ce jour, je m'empresse de Vous dire que Vous m'obligeriez infiniment en faisant ce sacrifice à un ancien ami: une raison majeure que je viendrai Vous exliquer moi-même à 12 heuers an Schwan me force à Vous demander ce sacrifice. Je prie M-me de Morgenstern de plaider près de Vous ma cause et celle de ma femme, qu'il me seroit si agréable de presenter à Elle. Nous dinons à 2½. Si toute fois Vous ne pouvez pas nous donner lundi, mon invitation pour aujourd'hui reste dans sa force. Veuiller bien me repondre et surtout repondez oui. Tout à Vous Joukovsky. Samedi.

[Переводъ: Мой дорогой другъ! Я пригласилъ васъ сегодня обѣдать съ нами въ виду весьма краткаго времени, которое вы, какъ говорили мнѣ, можете остаться во Франкфуртѣ. Но, думая, что, можетъ быть, вы могли бы остаться тутъ на понедѣльникъ и подарить намъ этотъ день, я спѣшу сказать вамъ, что вы безконечно обязали бы меня, принеся эту жертву старому другу: просить эту жертву отъ васъ заставляетъ меня весьма важная причина, о которой я сообщу вамъ въ 12 часовъ въ „Лебедѣ". Я прошу г-жу Моргенштернъ походатайствовать передъ вами въ данномъ случаѣ ради меня и моей жены, которую мнѣ было бы весьма пріятно ей представить. Мы обѣдаемъ въ два съ половиной. Во всякомъ случаѣ если вы не можете подарить намъ понедѣльникъ, то мое приглашеніе на сегодня остается въ силѣ. Будьте любезны отвѣтить мнѣ

1) Годъ написанія этого письма неизвѣстенъ; но оно относится во всякомъ случаѣ ко времени послѣ 1841 года, такъ какъ тутъ Ж. говоритъ о своей женѣ. Письмо писано чужой рукою.

и въ особенности отвѣчайте: да. Весь вашъ Жуковскій. Суббота.] [1]).

7 [2]).

Monsieur d'Ouvarow m'a remi de Votre part Votre petite brochure. Reçevez, Monsieur, mes sincères remerciments. J'ai beaucoup perdu de n'avoir pu Vous entendre Vous même; au moins Votre livre pourra me servire de guide pour classer mes propres connnaissances aesthetiques qui (par parenthèse) sont très peu de chose.

Le livre que Vous avez eu la complaisance de me prêter a été confié à Monsieur Petersen pour Vous être remis — je n'ai pas eu le tems de le faire moi-même; j'ecris à Monsieur Petersen là-dessus et il Vous remettra le livre.

Portez Vous bien, respectable ami, et quelquefois souvenez Vous de celui qui s'honore du titre de Votre devoué serviteur Joukoffsky. Le 22 Septembre S. P. bourg.

[Переводъ: Г. Уваровъ передалъ мнѣ отъ васъ вашу брошюрку. Примите, милостивый государь, мою искреннюю благодарность. Я много потерялъ, не будучи въ состояніи слышать васъ лично; ваша книга послужитъ мнѣ во всякомъ случаѣ руководствомъ для упорядоченія моихъ собственныхъ эстетическихъ познаній, которыя, говоря въ скобкахъ, очень невелики.

Книга, которую вы были любезны одолжить мнѣ, была вручена мною г. Петерсену для передачи вамъ: самъ я

---

1) Внизу рукою Моргенштерна помѣчено карандашомъ: Russ. Geh. Rath.

2) Годъ написанія этого письма неизвѣстенъ, но можно думать, что оно относится къ самой ранней порѣ сношеній Жуковскаго съ Моргенштерномъ. Предполагать это заставляетъ не только водяной знакъ бумаги (1810 года) и характеръ обращенія Ж. къ своему корреспонденту, но и упоминаніе о брошюрѣ Моргенштерна по эстетикѣ, подъ которой надо разумѣть, вѣроятно, его „Grundriss einer Einleitung zur Aesthetik, mit Andeutungen zur Geschichte derselben. Dorpat 1815“.

не имѣлъ времени этого сдѣлать. Теперь я пишу г. Петерсену, и онъ вамъ ее передастъ.

Будьте здоровы, уважаемый другъ, и вспоминайте иногда о томъ, который имѣетъ честь быть вашимъ преданнымъ слугой. Жуковскій. 22 сентября. С.-Петербургъ].

II. Записки М. А. Протасовой къ профессору К. Моргенштерну [1]).

1. (1816).

M-r Moier m'a procuré le plaisir de Vous envoyer, Monsieur, le catalogue que Vous avez desiré avoir; il m'a chargé de Vous dire, en même temps, que l'eau de Pyrmont se trouvait dans la boutique de Malsch, à la Grande Place, et que la bouteille coûtait 350 sol. Il est privé du plaisir de Vous repondre lui même, à cause d'un malade qui est venu le prendre. Permettez que je profite de cette occasion pour Vous prier, Monsieur, de vouloir bien me confier le volume de Schiller dont Vous avez eu la complaisance de nous faire la lecture. Quoique je n'aurai pas autant de plaisir à achever la tragedie toute seule, mais j'aurai au moins celui de me rappeler plus vivement, combien Votre genie vouloit bien condescendre au plaisir des autres.

C'est avec la plus parfaite estime que j'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble servante Marie Protassoff.

[Переводъ: Г. Мойеръ далъ мнѣ пріятное порученіе послать вамъ, милостивый государь, каталогъ, который вы желали имѣть. Онъ мнѣ поручилъ также сообщить вамъ, что Пирмонтская вода продается въ лавкѣ Мальша, на

1) Подлинники находятся въ упомянутомъ уже выше (стр. 90) сборникѣ: Briefe etc. hoher Personen, auch einigen Damen an Morgenstern. 1808—1836, B. XVI (рук. б-ки Юрьевскаго университета № CCCXLII).

Большой площади, и что бутылка стоитъ 350 сольд. Онъ былъ лишенъ удовольствія отвѣчать вамъ самъ; виной тому одинъ больной, который пришелъ за нимъ. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы просить васъ, м. г., одолжить мнѣ томъ Шиллера, изъ котораго вы намъ читали. Хотя мнѣ уже не будетъ такъ пріятно окончить трагедію одной, то все-таки я буду имѣть возможность живо вспомнить о томъ, какъ охотно вы шли на встрѣчу удовольствію другихъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., ваша покорная слуга Марія Протасова.] [1]).

2 [2]).

Recevez mes sincères remerciments, Monsieur, pour l'aimable complaisance, avec laquelle Vous avez bien voulu me prêter l'ouvrage ci-joint. Croyez, je Vous supplie, que je sens tout le prix de ce que Vous avez fait pour moi. Je ne sais que trop que ce n'est qu'à Votre bienveillance seule que je dois le plaisir d'avoir possedé ce livre, et que les sévères loix que Vous avez daigné mettre de coté pour me procurer un plaisir ne m'en privaient que trop. Je joins ici les paysages que Vous avez bien voulu me procurer. Votre complaisance m'enhardit à Vous faire encore une prière. M-r Crause [3]) possede des vues de la Livonie faites par lui même; ne pourriez Vous pas m'honorer encore de Votre protection en le priant de me les confier pour quelque temps.

Veuillez bien croire, Monsieur, à la plus parfaite consideration de Votre toute devouée servante Marie de Protassoff.

[Переводъ: Примите мою сердечную благодарность, милостивый государь, за ту любезность, съ которой вы

1) Внизу карандашомъ рукою Моргенштерна: Reval, im Jul. 1816.

2) Дата письма неизвѣстна, но, судя по подписи, оно написано, вѣроятно, въ томъ же 1816 году, что и предшествующее, такъ какъ въ январѣ 1817 года М. А. Протасова вышла замужъ за Мойера.

3) І. В. Краузе былъ въ Дерптскомъ университетѣ профессоромъ экономіи, технологіи и гражданской архитектуры (1803—1828).

одолжили мнѣ прилагаемое при семъ сочиненіе. Прошу васъ вѣрить, что я вполнѣ чувствую цѣну того, что вы для меня сдѣлали. Я очень хорошо знаю, что только благодаря вашей благосклонности я имѣла возможность воспользоваться этой книгой, и что строгія правила, вопреки которымъ вамъ угодно было доставить мнѣ удовольствіе, лишили бы меня этого. Я прилагаю здѣсь также пейзажи, которые вы для меня достали. Ваша любезность ободряетъ меня обратиться къ вамъ еще съ одной просьбой. У г. Краузе есть виды Лифляндіи, его собственной работы: не могли ли бы вы еще оказать мнѣ ваше покровительство и попросить его одолжить мнѣ ихъ на нѣкоторое время. — Прошу принять увѣреніе, м. г., въ совершенномъ почтеніи вашей преданнѣйшей слуги, Маріи Протасовой.] [1]).

III. Письмо В. А. Жуковскаго къ О. Г. Розенбергу (1825) [2]).

Cher et respectable ami! La croisade de mon pauvre Joukoffsky m'a vraiment affligée: je ne Vous ai pas repondu

---

1) На письмѣ, безъ конверта, черная сургучная печать съ надписью: Activité dans un petit cercle.

2) Подлинникъ этого письма, указанный намъ преподавателемъ юрьевской гимназіи Н. А. Скрябинымъ, находится въ архивѣ этой гимназіи: Acta des Dorpatischen Gouvernements-Schuldirectorats betreffend das Gymnasium zu Dorpat. V. I. 1805—1827, л. 135—136 об. Оно писано собственноручно Жуковскимъ и обращено къ директору Дерптской гимназіи О. Г. Розенбергу. Авторомъ письма дата не поставлена, но на верху первой страницы письма есть отмѣтка, что оно получено адресатомъ 3 апрѣля 1825 года; т. о., можно полагать, что оно писано въ мартѣ 1825 года, такъ какъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, чтобы въ 1825 году Ж. былъ въ Дерптѣ. Письмо Ж. служило отвѣтомъ на письмо къ нему О. Г. Розенберга, отъ 7 марта 1825 года (копія его имѣется въ дѣлѣ архива юрьевской гимназіи: Disciplinär-Vorfällen beim Gymnasium zu Dorpat. V. I. 1814—1837), гдѣ директоръ увѣдомлялъ В. А. Жуковскаго, что родичъ его, ученикъ „терціи“ (т. е. по теперешнему 5 класса) Па-

jusqu'à présent parce que j'ai attendu quelques details sur cet événement de la part d'Asmus. A présent je vois que ce n'est qu'une complette sottise; il a été la victime non pas de sa depravation, mais de cette d'un autre. C'est une mistification dans laquelle il a donné tête baissée. Je conviens, qu'il ne peut plus rester au Gymnase et je commence à voir qu'il ne profitera pas beaucoup dans les sciences: il pourra être un bon et brave militair et rien de plus; il faut donc le placer dans quelque regiment. J'ai prié Madame de Voyeikoff de l'ammener avec elle. Et Vous, cher ami, je Vous prie de lui procurer un attestat suffisant; que cette bêtise, où son coeur n'est pour rien, ne lui ferme pas sa carrière: il n'a rien et ne pourra oxister que par son service. J'attends tout de votre amitié dans cette occasion

---

велъ Жуковскій, жившій у извѣстнаго тогда дерптскаго педагога Асмуса (см. выше, стр. 77), самовольно убѣжалъ въ Ригу, чтобы избѣжать ученія, но потомъ былъ вскорѣ возвращенъ. Объ этомъ Павлѣ Жуковскомъ, сынѣ своего крестнаго отца А. Г. Жуковскаго, поэтъ такъ писалъ 18 февраля 1817 года, изъ Дерпта, лицу, принявшему на себя заботу о мальчикѣ по смерти отца послѣдняго: „Вы хотите записать малютку въ кадетскій корпусъ. Признаюсь вамъ, мнѣ бы весьма этого не хотѣлось. Я знаю, каково содержаніе въ кад. корпусѣ и каково тамъ ученье. Изъ него выйдетъ офицеръ, умѣющій только командовать фрунтомъ; а мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, способный во всѣхъ положеніяхъ жизни быть счастливымъ; этому въ кадетскомъ корпусѣ не научатъ. Вотъ мое предложеніе: привезите его ко мнѣ въ Дерптъ; я отдамъ его на руки къ такому человѣку, на котораго положиться можно. Издержки за ученье и содержаніе беру на себя. Когда выучится, тогда будетъ имѣть способъ жить и доставать себѣ все нужное пропитаніе. Тогда же будемъ имѣть время подумать и о доставленіи ему нужныхъ способовъ для жизни. Теперь главное: воспитаніе. Здѣсь онъ его получитъ лучше, нежели гдѣ-нибудь. Увѣряю васъ, что онъ оставленъ не будетъ“ (Русскій Архивъ, 1902, № 5, стр. 133—134). — Упоминаемый въ письмѣ Татариновъ (Александръ) также былъ въ 1825 году ученикомъ „терціи“ въ Дерптской гимназіи, а потомъ студентомъ Дерптскаго университета, по камеральному отдѣленію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1829 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента (Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. Dorpat 1879, № 803; Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto. Dorpat 1889, № 2197).

et je me confie pleinement en elle. — A présent une autre prière. Il y a ici un jenne homme Tatarinoff, qui a etudié chez Muralt et qui a dessein de continuer ses études au Gymnase et à l'Université de Dorpat. Il faut qu'il soit confié à un homme sûr pendant son sejour à Dorpat. Pourrez-Vous lui donner une place dans votre maison? C'est un bon enfant et Vous en serez parfaitement content. Je Vous supplie de me repondre le plus vite possible sur cet article. Si Vous n'avez pas de place chez Vous, parlez avec Dittler ou avec Asmus. Vous me rendrez un service essentiel, si Vous vous occuperez de cette affaire. Adieu. Je Vous embrasse de tout mon coeur. Tout à Vous Joukoffsky.

J'ai envoyé à Moyer les intérêts pour mes deux lettres de change à Petersen. Il me faut un reçu, et ne pourrez-vous pas m'envoyer une copie de ces deux papiers?

[Переводъ: Дорогой и уважаемый другъ! Побѣгъ моего бѣднаго Жуковскаго поистинѣ меня огорчилъ; я вамъ не отвѣчалъ до сихъ поръ потому, что ждалъ нѣкоторыхъ подробностей объ этомъ отъ Асмуса. Теперь я вижу, что это не болѣе, какъ чистѣйшая глупость; онъ былъ жертвой не своей испорченности, но испорченности другого. Это мистификація, которой онъ подвергся, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Я согласенъ съ тѣмъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться въ гимназіи, и начинаю замѣчать, что онъ не сдѣлаетъ большихъ успѣховъ въ наукахъ; онъ можетъ быть хорошимъ въ военной службѣ — и больше ничего; въ самомъ дѣлѣ надо его помѣстить куда-нибудь въ полкъ. Я просилъ г-жу Воейкову взять его съ собой. Васъ же, дорогой другъ, я прошу снабдить его приличнымъ аттестатомъ, такъ чтобы эта глупость, въ которой сердце его было ни при чемъ, не закрыла ему жизненной дороги: онъ ничего не имѣетъ и можетъ существовать только службой. Я ожидаю всего отъ вашей дружбы въ этомъ случаѣ и вполнѣ довѣряюсь ей. А теперь другая просьба. Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ Татариновъ, который учился у Муральта и имѣетъ намѣреніе продолжать свои занятія въ

гимназіи и въ Дерптскомъ университетѣ. Надо, чтобы во время его пребыванія въ Дерптѣ онъ былъ ввѣренъ попеченію человѣка надежнаго. Не можете ли вы дать ему мѣсто въ вашемъ домѣ? Это — хорошій мальчикъ, и вы будете имъ вполнѣ довольны. Я умоляю васъ отвѣчать мнѣ объ этомъ дѣлѣ какъ можно скорѣе. Если у васъ нѣтъ мѣста, поговорите съ Диттлеромъ или съ Асмусомъ. Вы мнѣ окажете существенную услугу, если займетесь этимъ дѣломъ. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца. Весь вашъ Жуковскій.

Я послалъ Мойеру проценты за два мои векселя, выданные Петерсену. Мнѣ нужна квитанція, и не можете ли вы послать мнѣ копію съ этихъ двухъ бумагъ?]

Содержаніе.

стр.

I. **Гоголь и Жуковскій** . . . . . 1—44

1. Первое знакомство Гоголя съ Жуковскимъ. — Отношеніе Гоголя къ Пушкину и Жуковскому. — Содѣйствіе Жуковскаго Гоголю въ полученіи профессуры. — Отъѣздъ Гоголя въ 1836 году за границу . 2—8

2. Первое путешествіе Гоголя заграницу въ 1836—1839 годахъ. — Гоголь и Жуковскій въ Римѣ. — Письма и просьбы Гоголя къ Жуковскому изъ-заграницы. — Возвращеніе Гоголя въ Россію и житье у Жуковскаго. — Гоголь въ Москвѣ и просьбы его къ Жуковскому о деньгахъ и должности въ Римѣ. — Второе заграничное путешествіе Гоголя въ 1840—1841 годахъ. — Окончательное уравненіе отношеній Гоголя къ Жуковскому и наставительный тонъ въ письмахъ къ послѣднему . . . . . 8—15

3. Третье путешествіе Гоголя заграницу въ 1842—1848 годахъ. — Письма къ Жуковскому. — Свиданія въ Дюссельдорфѣ и Франкфуртѣ; литературныя бесѣды обоихъ писателей и труды; общность настроенія. — Отношеніе Жуковскаго къ изданію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. — Новое свиданіе во Франкфуртѣ. — Отъѣздъ Гоголя въ путешествіе на востокъ и письма его оттуда къ Жуковскому . . . . . 16—29

4. Отношенія Жуковскаго и Гоголя въ послѣдніе четыре года ихъ жизни (1848—1852). — Просьба Жуковскаго къ Гоголю о „локальныхъ краскахъ“ Палестины и отвѣтъ Гоголя. — Смерть Гоголя и впечатлѣніе, произведенное ею на Жуковскаго. — Смерть Жуковскаго . . . . . 30—35

стр.

5. Поясненія и выводы. — Несоизмѣримость обоюднаго другъ для друга значенія Гоголя и Жуковскаго. — Разница ихъ духовнаго склада и внѣшнихъ условій жизни. — Истинный характеръ благодѣяній Жуковскаго Гоголю. — Вліяніе Жуковскаго на собственно литературную карьеру Гоголя. — Общее у Гоголя и Жуковскаго: юморъ, мистицизмъ; взглядъ обоихъ ихъ на молитву. — Оцѣнка поэтической дѣятельности Гоголя Жуковскимъ и поэтической дѣятельности Жуковскаго Гоголемъ . . . . . 35—44

II. **В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815-1817)** . . . . 45—89

1. Начало отношеній Жуковскаго къ М. А. Протасовой. — Любовь и мысль о женитьбѣ. — А. Ѳ. Воейковъ; сборы и переѣздъ Жуковскаго въ Дерптъ. — Потеря надежды на счастіе. — Мысль покинуть Дерптъ и переселиться на родину . . . . . 45—63

2. Рѣшеніе М. А. Протасовой выйти замужъ за профессора Н. Ф. Мойера; отношеніе къ этому Жуковскаго; данное имъ согласіе на этотъ бракъ. — Свадьба Марьи Андреевны съ Мойеромъ. — Переѣздъ Жуковскаго въ Петербургъ . . . . . 63—73

3. Дерптскія знакомства Жуковскаго. — Университетъ; заступничество за него Жуковскаго. — Внѣуниверситетскія связи. — Литературная дѣятельность въ дерптскій періодъ, переводная и оригинальная . 73—81

4. Смерть М. А. Мойеръ и впечатлѣніе, произведенное этой смертью на Жуковскаго. — Дальнѣйшія связи Жуковскаго съ Дерптомъ . . . . . 81—89

III. **Приложенія** . . . . . 90—101

1. Письма и записки В. А. Жуковскаго къ профессору К. Моргенштерну . . . . . 90—96

2. Записки М. А. Протасовой къ профессору К. Моргенштерну . . . . . 96—98

3. Письмо В. А. Жуковскаго къ О. Г. Розенбергу 98—101

Цѣна 60 коп.

3 2044 012 697 850

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

DUE DEC 2 5.

MAY 27 '52H

CHARGE

WIDENER

JAN 08 1996